

Мастера
израильской прозы

Мирон Хаим Изаксон

ЖЕНЫ НАТАНА

Мирон Хаим Изаксон

Жены Натана

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=642445

М. Изаксон «Жены Натана», серия «Мастера израильской прозы»:

КНИГА-СЭФЕР; Москва; 2006

ISBN 965-7288-13-4

Аннотация

Новый роман самобытного израильского писателя Меира Изаксона можно отнести к редкому жанру трагифарса. Ситуация, когда любящая жена решает привести в дом... еще одну жену, мало того – там же поселяется тигр, – по мере развития сюжета переходит порой в высокую трагедию, порой – в комедию ошибок. Невероятные, напоминающие театр абсурда поступки совершают герои писателя, наблюдать за ними – истинное удовольствие для литературных гурманов.

Роман «Натан и его жены» стал бестселлером во Франции, США, Норвегии.

Творчество писателя, сочетающее в себе традиции ивритской литературы, восходящие к Книгам Библии, и «отвязные» новейшие литературные тенденции, расценивается как одно из редких явлений в области изящной словесности.

Содержание

Приглашение в лабиринт	4
Рина	8
– 1 —	8
– 2 —	11
– 3 —	14
– 4 —	16
– 5 —	18
– 6 —	21
– 7 —	24
– 8 —	29
– 9 —	37
– 10 —	41
– 11 —	45
– 12 —	51
– 13 —	56
– 14 —	65
– 15 —	70
– 16 —	73
– 17 —	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Мирон Хаим Изаксон

Натан и его жены

Приглашение в лабиринт

Стиль написания Миронем Изаконом этого романа можно называть минималистским, сюрреалистическим, символическим, но он достаточно искусно выставляет себя внешне под обличьем обычного реализма.

Напряжение усиливается с возникновением каждой новой в ходе романа выдумки, вымысла, сложно открывающейся эмоции, сметливости авторского глаза, подающего детали, не перестающие удивлять читателя.

Автор ведет своих героев и читателей в абсолютно иллюзорный, тесный, демонстративно необоснованный мир, декорации которого строятся и рушатся в один и тот же миг. Ощущение подобно тому, когда сидишь перед жонглером, который посылает вверх мячики, один за другим, и все добавляет, и уже изматывает тебя ожиданием, а мячики все не падают.

На определенном этапе читатель начинает понимать игру автора. Более того, читатель, испытывающий в начале некое недоумение, теперь может свободно, расслабившись, располагаться в кресле с этим романом и полагаться на создаваемое

мый автором необычный в обычной реальности мир. В нем автор позволяет себе вводить в дом двух жен, капризного богача Натана, от которого неизвестно что можно ожидать, служащего ему религиозного Меира, и даже тигра, так вот, просто, для умножения возможных вариантов действия.

После смерти первой жены Натана Рины сравнительно четкое разделение семей Натана с сыновьями, Меира с женой Рахелью и сыном Яроном начинает терять границы. Все они, приняв в свою среду новую жену Натана Дану, соединяются в одну психологическую систему взаимоотношений, включающую две семьи, систему, которая исследуется автором, как некая замена обычной семье, ее духовной устойчивости. В мире, который строит Изаксон, нет почти внешней реальности вокруг микрокосмоса героев. Редкие фрагменты этой реальности передаются через героев, живущих то в общих домах, то меняющихся домами, то открывающих или закрывающих части этих домов. Изаксон создает ощущение некоего муравьиного фаланстера, который словно бы выпадает из законов природы, выработанных в течение многих поколений.

И все же, с приближением конца романа, выясняется, что многие годы Натан, по сути, коллекционер-фанатик, охотится за старинным манускриптом четырнадцатого века — дневником короля Франции, томящегося в английском плену. Для того, чтобы соответствовать требованиям королевской комиссии Англии и добиться от нее передачи рукопи-

си на хранение и изучение ему, Натану, он основывает партию, устраивает собственное банкротство, чтобы показать, как можно из него выбраться, использует наивность, чистоту души и даже нервную слабость товарища детства, человека религиозного – Меира. И тут все кажущиеся разрозненными события романа выстраиваются в единый сюжет, заверчиваясь воронкой от начала и до конца.

Меир, от имени которого ведется весь рассказ, личность удивительная по внутренней замкнутости, и в то же время неимоверной податливости ко всем требованиям окружающих, даже самым необычным. Но очень метко он характеризует свои взаимоотношения с богачом Натаном, по сути, другом детства: «Он напоминает мне человека, который сочинил новую мелодию и упрямо желает сыграть ее знакомому, который вообще музыку не любит».

В одном из интервью автор характеризует сюжет романа, как фантастически-кафкианский, в котором немало загадок, лабиринтов, темных мест и не видимого миру с первого взгляда юмора.

Касаясь особенностей литературного стиля Изакона, выдающийся ивритский прозаик Аарон Аппефельд говорит: «Только то, что нам удастся извлечь и как бы спасти из тьмы, таящейся в нас, и есть сама истина».

Следует отметить, что путевку в литературу молодому поэту и прозаику Мирону Изакону дал классик ивритской литературы поэт Ури-Цви Гринберг.

Касаясь своей жизни и творчества, автор говорит, что порой замирает на краю хаоса, бездны. В такие минуты он ничего не принимает само собой понятным, даже семью и детей, хотя, конечно же, очень их любит, ни, тем более каких-то особых успехов, побед, любви. Все это кажется ему слишком требовательным, обязывающим, и потому, в общем-то, искажающим сущность человеческой личности.

Об этом, по сути, и представляемый читателю роман.

Нелегко объяснить скрытое волшебство этого романа особенно в критической статье, пишет известный израильский критик Лея Ниргад, которая признается, что влюбилась в эту книгу с первого взгляда, и это вовсе не в смысле, что любовь слепа.

В этом романе незаметно, но настойчиво скрыто идущее от начала до конца обещание раскрытия некой главной тайны жизни, которое и после поставленной в конце точки продолжает витать ностальгическим очарованием над читателем, разочарованным быстрым завершением книги, почти неожиданным обрывом длящегося текста.

Эфраим Баух

Рина

— 1 —

Рина хочет привести своему мужу еще одну жену. Нет, она вовсе не собирается покинуть дом или выгнать мужа. Только найти для него еще одну жену. «Наличие в доме двух жен открывает массу неожиданных возможностей» — услышал я как-то от нее. Обычно Натан не особенно торопится тут же принять сказанное Риной за истину в конечной инстанции, а оценивает ее идеи перед тем, как согласиться. Но в данном случае он готов принять план жены, быть может, потому что план этот видится ему увлекательным и даже захватывающим.

Слышал я и раньше о таких случаях, когда жена приводит в дом еще одну женщину, чтобы та обслуживала ее мужа и дала бы ей, первой жене, немного отдыха и покоя. Некоторые считают, что новая жена, в придачу к первой, может улучшить семейную жизнь. И вообще, в доме с двумя женами можно успеть переделать столько дел и обсудить столько проблем, что невозможно при наличии только одной жены. Само собой разумеется, что бывали случаи, когда первая жена приводила новую, чтобы та родила мужу ребенка, ибо первая не могла забеременеть. Об этих случаях повествуется

в ТАНАХе – Священном Писании евреев. А то, что не прочитано в книге и не выучено нами, то не доступно нашему воображению.

И все же, инициатива Рины мне кажется весьма странной. Она ведь родила Натану двух сыновей. Чего бы ей, как говорится, не продолжить это благое дело? Но в офисе Натана я слышал, что Рина собирается ввести в дом «соперницу», чтобы обновить начинающую покрываться плесенью скуки их семейную жизнь. Трудно мне принять такое мнение. Вот жена моя Рахель только попросит о чем-нибудь, и я немедленно стараюсь выполнить ее желание. Но Натан по сравнению со мной человек жесткий, неуступчивый, прощения не просит и вовсе не старается радовать других. Он ощущает и вбирает в себя жизнь через ладони, которыми любит дирижировать концертом для четырех роялей или тянуть еду со стола прямо в рот, особенно большие ломти пирога или торта. Он педантично следит за тем, чтобы каждый клочок бумаги был аккуратно сложен вдвое или вчетверо, особенно бумажные салфетки. Он отращивает длинные ногти, всегда содержащиеся в чистоте, и в то же время сует их в маслянистую жидкость или в мясистую плоть банана.

Я бы очень остерегся инициативы Рины. В общем-то, я всегда стараюсь обойти любую личную или юридическую проблему. Даже переезд из квартиры в квартиру выводит меня из равновесия, не говоря уже о двух женах в одном доме. Между мной и Натаном существует еще одна принципиаль-

ная разница. Для меня запрет, наложенный на человека Галахой, является решающим, и в этом отношении я никогда не позволяю себе облегчить жизнь. У Натана же нет никаких запретов. Он любит собирать, прибирать к рукам и хранить при себе все возможности и все вещи. Вот сегодня утром захожу к нему в кабинет, и он, вместо того чтобы сконцентрироваться на жене, или хотя бы на своей работе, составляет какой-то список. «Иди-ка сюда, Меир, – он едва не рывкает в мою сторону, – погляди на мой новый список. Я записываю все принципиальные вопросы, как говорится, вопросы, которые могут все изменить».

Заглядываю, читаю первые вопросы: есть ли что-либо, что никогда не движется? Можно ли забыть что-либо, о чем никогда не знал? Сколько нужно растратить (частей, букв), чтобы что-либо, в конце концов, не исчезло?

Все эти вопросы Натан задает не только мне. Это одно из его многочисленных хобби – озадачивать такого рода вопросами своих работников и компаньонов во время производственных совещаний. Он любит не просто выпытывать, а пытаться человека деталями дела, которые тот не помнит. «Сейчас главный вопрос в том, должен ли я сделать нечто хотя бы раз, чтобы знать, что больше невозможно ничего сделать». Так завершает Натан короткую встречу со мной, во время которой я не раскрыл рта.

Натан и Рина выходят из дома, выбирать вторую жену. Я же продолжаю описывать то, что происходит с ними именно в эти минуты. Не могу понять, почему в отчетах всегда говорят о том, что произошло. Я ценю лишь то, что происходит сейчас. Ведь только настоящее определяет мнения и поступки.

Натан улыбается, вставляет в верхний кармашек цветок. Неудобно ему в костюме, жарко его огромному телу, но цветок можно вложить в карман рубахи. Рина носит короткие юбки. Даже если муж ее возьмет еще одну жену, она хочет быть для него привлекательной. Никакое действие мужа не кажется ей слишком рискованным, из рук вон выходящим. За него она вышла замуж, с ним и останется. И, кажется мне, на улице нет более толстого мужчины, чем Натан, и более худой женщины, чем его жена.

«Для меня важно, чтобы ты присоединился к нам, — говорит Натан мне. — Иногда ты даешь умные советы. И нечего тебе беспокоиться. У Рины нет никакого намерения разрушить наш дом и, тем более, создать дом для каждой из двух жен. Просто присоединить новую жену к уже существующей. Ты меня знаешь: я не позволю вводить себя в расходы на два дома...» Он улыбается, и Рина с явным дружелюбием бьет кулачком в его большой живот. Хотелось мне сказать, что

только для его мебели необходимо несколько квартир, но я промолчал. «Я составила список, – говорит Рина, – с именами наших друзей. Они собирают для нас рекомендации на тех, кого мы ищем».

«Обычно легче всего найти их среди знакомых. Почти все свои дела я затевал с теми, кого знал с детства» – говорит Натан, и друзья, идущие с нами, прислушиваются к нему с вниманием, включая Рину. Ощущение такое, что Натан и Рина взялись за дело со всей серьезностью.

Моя дружба с Натаном стоит перед большим испытанием. Я привязан к своей жене Рахель, верна она мне или не верна, влечет меня к себе или не влечет. У Натана все изменчиво: все женщины возможны, все части тела свободны действовать по своей воле. Нет у него ничего обязывающего, быть может, лишь в отношении будущего своих сыновей, хотя и от их личных дел Натан старается держаться подальше. Я же нередко разговариваю с ним о вещах острых и даже на разрыв. Никогда я не мог сдерживаться в словах, но весьма преуспел следить за своими делами. Думаю, что тот, кто слышит лишь мои разговоры, может получить обо мне странное превратное мнение. Однако факт остается фактом: Натан любит именно со мной обсуждать свои дела, делиться своими планами. Он напоминает мне человека, написавшего новую мелодию и упрямо желающего наиграть ее своему знакомому, испытывающему аллергию к музыке.

Мы сидим в кафе с друзьями Натана и Риной и, конеч-

но, с личным его помощником Узи. Я, как всегда, только пью. Остальные едят. Я предпочитаю есть в одиночку. Друзья извлекают из конвертов фотографии свободных девушек и незамужних женщин (понимаю, что Рина предпочитает женщину, которая не была замужем). Узи звонит и другим знакомым с просьбой принести фото и списки. Неожиданно становится мне ясно, что Натан способен выбрать новую жену даже из другого народа, но я все же надеюсь, что он выберет жену из местных. Думаю, выбор сегодня не завершится. Пока только разглядывают снимки. Время от времени Натан их комментирует с юмором, и все вокруг почти ликуют, реагируя на его замечания. Рина ведет какие-то записи, Узи распределяет снимки на группы (начиная с тех, которые вообще не нравятся Натану, и кончая теми, кто может подойти). Я тоже разглядываю некоторые снимки и читаю надписи с обратной стороны.

Ночью мне снился совершенно новый сон: в нашей с Рахель квартире завелся маленький тигренок. Он ждал моего возвращения домой. Присутствие тигренка в доме было мне ясно. Неясно было лишь, как мы с ним уживемся в одном доме. Закрывать двери? Пытаться вести с ним переговоры? Я надеялся, что тигренок дрессирован и не слишком дик. В конце концов, сон для меня не был столь неожидан: заставляю же я себя сблизиться с любым человеком, почему бы не с тигром?

«Ты, верно, поругался с Рахель, потому тебе и приснился тигр, — смеется Натан на следующий день в офисе, когда я ему рассказываю свой сон. — Нельзя пренебрегать преимуществами, которые дает личный тигр в доме. Я знал, что ты шалун и немалый, несмотря на свое слишком интеллигентное поведение». Говорит Натан громким, сильным голосом. Кто в офисе осмелится намекнуть ему, что следует говорить потише? Голос у него устойчив и не столь груб, как мне казалось вначале. У него приятная улыбка, и рубашка чище моей, и большая, четко обрисованная лысина. В руках он держит квитанцию на последние купленные произведения искусства. Мне ясно, что на этот раз мне удалось возбудить его любопытство и даже произвести на него впечатление. Он продолжает удивляться: «Весь статус меняется с появлением

тигра в доме, не говоря уже об экономии на охране. И даже в делах кто осмелится спорить с человеком, у которого дома тигр?» Его волнение меня радует. Благодаря тигру, явившемуся мне во сне, я сумел вывести его из обычной дремоты. Всегда я пытаюсь произвести впечатление на других, особенно на Рахель и Натана. На этот раз я преуспел без того, чтобы заниматься тигром, кормить его несколько раз в день. Кстати, вполне возможно, что тигр действительно явился мне во сне после того, как я рассердился на жену. Человек гневается на свою жену, и вот ему во сне в его доме появляется хищник, которого он должен умиротворить. Другой человек гневается на свою жену и хочет заменить ее другой. И есть Натан, жена которого сама предлагает ему взять еще одну жену.

Два сына у Рины и Натана — Шломо и Шахар. Обоих они послали учиться в закрытые интернаты в Англии. «Здесь им терять нечего. Только, может быть, мать будет печалиться несколько дней», — сказал мне тогда Натан. Трудно понять, когда он говорит правду, а когда говорит, чтобы ошеломить. Не знаю, говорит ли он и со своими детьми так жестко и безапелляционно. Я редко видел его сыновей, но Шломо всегда казался мне молчуном или чем-то испуганным, а Шахар, быть может, по молодости, непрерывно болтал с матерью. Натан же все расспрашивал их об учебе и пытался устроить между ними соревнование по знанию истории.

Но теперь сыновья за границей, и Натан продолжает заниматься своими делами и различными развлечениями. Время от времени я встречаю его с Риной и выслушиваю их обычные короткие разговоры. Он продолжает покупать и коллекционировать мебель, храня ее в разных домах и на складах. Списки своих «принципиальных» вопросов жизни он неустанно пополняет, и я понятия не имею, сколько их у него уже накопилось. Много времени он уделяет выяснению разных деталей своего детства. «Нет более важного дела, чем мое детство, — обычно говорит Натан. — И одного я больше всего боюсь: своей похожести на отца. До сих пор я об этом не думал, но теперь я нахожу, что слишком на него похож.

Я любил отца. Но некоторые вещи мне в нем не нравились и даже отталкивали. Теперь я нахожу их у себя: запах его, когда он вставал со сна утром. И то, как он дремал во время заседаний, и то, что я, как он, не могу побриться начисто, хотя люблю гладко выбритое лицо. Отец мой боялся оставаться один, и в доме, и вообще по жизни. Пока в этом отношении мне все равно, но, быть может, и этот страх проявится во мне».

Увеличивающаяся схожесть с отцом сбивает Натана с толку, словно бы он внезапно начал считать года своей жизни по-иному. Впервые, насколько мне известно, он говорит на деловых встречах о страхе заболеть. До сих пор он подшучивал над своим здоровьем и жизнью, которая, как он полагает, «будет короткой», теперь же эти страхи усиливаются, и ему не до шуток. У меня такое впечатление, что Натан сейчас больше уделяет внимания жене, звонит ей время от времени вечером из офиса и договаривается о встрече. В последнюю неделю он даже не упоминал о новой жене. Рина же своего мнения не изменила и все еще считает, что надо попытаться найти эту еще одну жену: «В конце концов, я ведь не убегаю. В любой момент мы можем вернуться в прежнее положение – к жизни вдвоем. Но теперь вместо покупки еще участка земли, вложи деньги в новую жену».

Вчера скончался один из сотрудников компании Натана. На этот раз Натан одним из первых посетил дом покойного. Людей там было немного, не более чем приходили к покойному в дни его жизни. Об ушедшем я мог бы сказать: «Умер хозяин дома, умер и дом его, а бездомные мертвы давно». Раньше я довольно часто занимался сочинением сентенций такого типа. У меня еще хранятся старые тетради или отдельные листы с записями. Но теперь я остерегаюсь этих сентенций, даже если они достаточно искусны. Лучше мне концентрироваться на отчетах о текущих событиях, а не на всеобъемлющих оценках. В общем-то оказалось, что у покойного почти не было близких и знакомых. Много лет он работал в компании Натана, но о его личной жизни и человеческих связях мы ничего не знали. И все же, как это может быть, что человек умер, и в дом его пришло так мало людей? Я заметил, что всегда стараются найти близких человека, когда приближается смерть или же сразу после его кончины. Даже разведенную жену привели к постели умирающего. А она ведь не встречалась с ним долгие годы, ибо не ощущала к нему любви и желания близости. Посадили ее у его смертного ложа. И в роли последней его любви она глядела на него и улыбалась. Когда мне рассказали, это показалось мне весьма странным, но, быть может, я ошибаюсь, удивляясь тому,

что ее привели к этому человеку, у которого не оказалось ни близких, ни друзей.

Натан пришел выразить соболезнование. Все остальные, в основном, были знакомыми усопшего. И я в их числе. Вижу, как Натан задерживается у входа в дом со своим помощником Узи, который разворачивает перед ним карту. Кажется, они упоминают названия в Африке. Узи пытается убедить Натана, что стоит посетить некое место, а тот спрашивает, что там такого важного. Узи извлекает из портфеля два письма, достаточно длинных, и кладет их на карту Африки. Натан внезапно переводит взгляд на меня, оставляет Узи, и, не поздоровавшись со мной, говорит: «Предпочтительно подняться с тобой в квартиру, Меир. Ты лучше меня разбираешься во всех этих церемониях. Хорошо, что ты здесь. С Узи я бы далеко не дошел. Быть может, лишь до Африки».

Смеется: «Тебя, Меир, я знаю с момента, когда ты родился. Твой отец даже был компаньоном моего отца в каком-то деле».

Мы входим в дом, поднимаемся по ступеням в квартиру. Натан жмет присутствующим руки и одновременно разглядывает картину на стене, спрашивает, когда она была написана, затем садится, достает снимки, раскладывает их стопками на столе, находит фото покойного и пытается определить, работал ли тот у него в то время, когда был сделан снимок. Он задает его разведенной жене несколько вопросов и склонен согласиться с большинством ее ответов. Встает, ли-

стает книгу и соображает, нужна ли его помощь. «Вы всегда сможете обратиться к Узи или Меиру», – почти провозглашает он.

На улице его ждет женщина – водитель машины. Он предлагает мне ехать с ним. Во время поездки он впадает в дремоту, вдруг просыпается и говорит женщине-водителю и мне: «Сегодня для нас не важны люди или страны, только деловые фирмы. Когда-то все силы бросали на создание государств, а сейчас именно фирмы решают все. Только ими следует овладеть, и только с ними интересно вести борьбу. Вернулись мы в ситуацию до создания государств».

Я предпочитаю не реагировать и даже не рассказываю ему о некоторых проблемах, которые беспокоят меня по работе. С тех пор, как он возложил на меня ответственность за развитие неиспользованных участков земли, принадлежащих компании, я ни разу ему не отчитался. Он не требовал от меня деталей, что весьма на него не похоже. Машина останавливается у моего дома. Затем продолжает свой путь без меня.

У дома Натана ожидает группа его сотрудников, несколько компаньонов, жена Рина в коротком черном платье, сын Шломо, оркестр в четыре трубача, и два певца, одетых явно не по-местному. Смотрит Натан на них всех и улыбается. Никогда не пугался неожиданностей. Что плохого в праздничном сборе всей этой компании у порога его дома? Он, очевидно, тут же высчитывает в уме цену всего этого мероприятия и выгоду, которую может из него извлечь. Он просит громким голосом присутствующего тут опытного газетного фотографа сделать как можно больше снимков, чтобы от этого «хоть что-нибудь осталось». Затем подходит к жене и целует ее. Рина ворошит длинными своими ногтями его чисто вымытые волосы вокруг лысины. Сын присоединяется к ним, и они фотографируются втроем. Приближаются трубы, и все поют вместе. Братия собралась к обеду. Все хвалят Рину за оригинальную расстановку столов на улице и отличные дорогие блюда. Натан берет несколько булочек, просит Рину наполнить его тарелку едой и упрекает ее за то, что не принесла к столу его любимый сорт зелени. Тем временем прихожу и я, ибо обнаружил на дверях моего дома прикрепленную записку — срочно прийти к дому Натана и Рины.

Я слышу, как Рина просит у публики тишины. Но некоторые все же продолжают разговаривать, главным образом

о делах на работе. Она не обращает на них внимания и благодарит гостей, хвалит мужа, столь успешного бизнесмена, и сына, специально приехавшего из-за границы. Она говорит, что это первый раз в ее практике – организовывать такой прием, да еще среди дня, под открытым небом, на улице, без согласования с мужем. «Сегодня произошло важное событие, – говорит она, – и я бы хотела, чтобы все это знали. Нашего Натана все знают. Человек он удивительный, привлекающий к себе всеобщее внимание. Несколько недель назад я предложила Натану привести в наш дом еще одну жену. Не очень-то он обрадовался этому, но, в конце концов, согласился». Голос Рины дрожит, но речь ее достаточно устойчива и ритмична. Она, несомненно, человек талантливый, но ни разу я так и не сумел выяснить ее мнения о том или ином событии или человеке, включая ее мужа. Натан между тем приближается к ней, перешептывается с Узи, вероятно, пытаясь понять, что затеяла его жена. Народ толпится вокруг них. Оркестр замолк, но официанты продолжают разносить блюда с едой. Рина продолжает: «Есть немало людей, которые лишь мечтают или пребывают в состоянии галлюцинации, Натан же наш реализует все, что приходит ему в голову. И я была под его влиянием, активна и быстра в деле. Итак, познакомилась я у друзей с молодой девушкой, талантливой и привлекательной, по имени Дана. Беседовала я с ней несколько раз, и она готова попытаться пожить у нас и приглядеться, главным образом, естественно, к Натану. Я не

привела ее сюда сегодня, ибо считаю, что Натан должен ее увидеть раньше всех, здесь присутствующих. Но в ближайшее время мы встретимся все снова на какой-нибудь деловой или семейной вечеринке».

Люди не отрывает глаз от Натана. Он стоит, не двигаясь. Нельзя понять, насколько он вглядывается в жену или прислушивается к ней. «И еще одно интересное сообщение, – продолжает Рина. – Недавно Меир рассказал нам свой сон. В этом сне в его доме появился и прижился тигр. Сон этот подсказал мне идею. Я заказала у специалиста-француза тигренка, дрессированного, красивого. И мы с Натаном будем растить в доме тигра, благодаря тому, что снилось Меиру. Можно приносить в дом целые миры – мебель, коллекции, жен. Значит, можно и тигра. Я вовсе не мудрствую лукаво, а действительно заказала тигра, и теперь у нас будет интересная возможность обновить жизнь». Рина завершает свою речь. Натан выпивает большую бутылку сока, подбрасывает и ловит ртом, как голодный жонглер небольшие помидоры. Он явно не знает, как реагировать на то, что сказала Рина. Быть может, несколько озадачен и даже не принимает новый запах, который появится в доме, и вообще эту инициативу жены. Я считаю, что нечего ему бояться этих новшеств, ибо в любой миг он может выдворить из дома того, кто будет ему действовать на нервы, или вообще на несколько дней покинуть дом и отдохнуть в одной из многочисленных его квартир. Чего это ему пугаться новой жены или тигра в доме?

Мне трудно поверить в то, что именно мой сон подтолкнул Рину к действию. Меня настораживает возможная реакция Натана. Я всегда стараюсь избегать конфликтных ситуаций, и если к кому и предъявляю претензии, так это к самому себе.

На следующий день Натан приходит в офис в обычное для него время, примерно в одиннадцать. Он всегда просыпается поздно, прочитывает список обращенных к себе или ко всем вопросов, проверяет информацию о купле-продаже антикварной мебели, планирует очередную поездку за границу на аукционы. Он предпочитает покупать целиком гарнитуры, а не собирать или, вернее, подбирать вещь к вещи в течение многих лет.

Я слышу, как он входит на наш этаж, ибо говорит, как всегда, громким голосом, и, кажется мне, с большим воодушевлением рассказывает о тигре. Сообщает, что важные персоны из Европы приедут взглянуть на этого зверя. Сотрудники входят к нему кабинет группами, но меня он пока не вызывает. Он выходит из своего кабинета, проходит мимо моего в сопровождении Узи и других сотрудников, и я слышу, как они обмениваются мнениями о новых вложениях в развивающиеся районы страны. Радует меня, что Натан не ограничивается вложениями в финансы, а начинает интересоваться

новыми промышленными предприятиями, недвижимостью, финансовым положением семьи. В этот момент Рахель звонит мне: «Со мной говорила Рина. Просит при первой возможности прийти к ним, именно нам, полагает она, следует быть среди первых, кто увидит перемены в их доме». Я отвечаю ей, что сам Натан сегодня со мной вообще не разговаривал и сомнительно, будет ли он дома, когда мы к ним придем. «Дом, в котором обитает живой тигр, не похож на обычный дом».

Спустя несколько дней мы приходим к Рине домой. Натан еще не вернулся из офиса. Спустя полчаса он появляется, цедит сквозь зубы несколько слов в нашу сторону и тут же уходит в свой кабинет. Рина угощает нас фруктами: «Знаю, что ты не такой обжора, как Натан. Хотя он говорит, что аппетит у вас одинаковый. И еще он говорит, что никто бы не поверил, если бы ему сказали, о чем ты действительно думаешь». Я беру яблоко и разглядываю его. Кто-то постукивает в дверь. Быть может, это тигр бьет лапами. Рина торопится разъяснить новые правила – какую дверь можно открывать, а какая должна быть всегда закрыта. Она также подробно объясняет систему движений по дому. У меня создается ощущение, что они получили серьезный профессиональный инструктаж. Рахель интересуется, каким образом кормят тигра. Рина коротко отвечает. Рахель продолжает спрашивать: «Ну, а что вы делаете, если встречаетесь с тигром посреди дома, так вот, без подготовки?»

«Мы всегда имеем в кармане что-то, что его успокоит».

Натан присоединяется к нам. Показывает древнюю персидскую игру, которую купил у богатого иранского эмигранта. Объясняет принципы игры. Рахель быстро их осваивает. Я путаюсь. Связь между фишками и цветными клетками кажется мне странной. Натан предлагает Рахели и Рине сыграть между собой и уверяет, что после двух ходов сможет определить, кто из них победит. Рина предпочитает поговорить, а не играть. Натан не отступает. Он берет что-то пожевать и начинает играть сам с собой. Первый раз в этот вечер Рахель мне улыбается, шепчет какие-то успокаивающие слова, хочет знать, должен ли, по моему мнению, тигр присоединиться к нам. Натан смотрит на меня и указывает на то, что моя рубашка не совсем чиста. Рахель смущенно молчит.

Где-то к полуночи вводят в салон тигра. На нем цветная одёжка и он – без поводка. Впервые в жизни я встречаюсь взглядом с тигром. В горле его негромко перекачивается ворчание. Он гуляет по салону, и меня не оставляет чувство, что должно что-то произойти. Натан упрямится, предлагая Рахели сыграть с ним в новую игру.

Только в этот момент я замечаю, что платье Рины длиннее обычного. Быть может, она боится царапин, которые может нанести тигр. Она приносит Натану ужин, садится ему на колени, следит за движением его пальцев, говорит, что следует организовать большой прием в честь тигра. Многие захотят прийти и посмотреть на зверя. Я чувствую большое напря-

жение. Ко многим вещам я заставил себя привыкнуть, но не думаю, что смогу участвовать в этом новом деле Натана.

Рина спрашивает, голодны ли мы, хотим ли пить. Рахель просит принести еще фрукты. Меня ужасно подмывает спросить, только ли тигр у них в доме, или Дана тоже здесь. Рахель догадывается о моем желании и шепотом просит меня воздержаться. Мысль о Дане не дает мне покоя. Я просто жажду ее увидеть. Натан начинает дремать в своем кресле. Рина беседует с нами, сидя на коленях мужа. Тигр, как мне кажется, ищет дверь. Рина тянет к себе длинный электрический шнур, нажимает на кнопку в конце его, одна из дверей открывается и в тот же миг закрывается другая дверь в соседней комнате. Ясно, что передвижения тигра ограничены с большим педантизмом. Он обегает салон несколько раз и выходит. Я не могу определить, насколько он больше обычного кота, но, несомненно, это другое животное. Мы с Рахелью благодарим Рину за прием и ужин, шепотом прощаемся с дремлющим Натаном и покидаем его дом.

В течение следующих недель Натан расширяет свои странствия за рубежом. Узи намекает о каких-то редких аукционах в Англии и Франции, хотя точно не знает, о чем идет речь. По указанию Натана изменяют гербовый знак фирмы, введя в его центр фигуру тигра, сидящего на кресле у книжного шкафа. Я слышу, что Натан пытается убедить крупные компании создать с ним общие предприятия, основанные на тигре. Я полагаю, что история с тигром не продлится очень

долго. В конце концов, Натан обменяет его на какую-нибудь редкую коллекцию. Но я также не удивлюсь, если он просто его продаст – после того, как почувствует, что может им властвовать без страха.

Рахель считает, что я должен отдалиться от Натана. «Несмотря на то, что он знает тебя с детства и ты работаешь у него, на этот раз он перешел все границы по отношению к тебе». Рину она тоже критикует: «Ты должен понять, Меир: в дом, куда вводится тигр, неизвестно, что еще может войти. Да и разные люди отреагируют неадекватно и неожиданно. Думаю, Натан и не предполагает, что может случиться». Я не реагирую на ее слова и вообще ничего не подтверждаю. Но мне вполне ясно, что она права. Решаю пока не спрашивать ее, почему в доме Рины и Натана она проявила такой интерес к тигру, почти восторг.

Сегодня после обеда Натан просит меня срочно зайти к нему в кабинет. Буду удивлен, если он заведет разговор о служебных делах. Он вообще старается об этом почти не говорить со мной: то ли моя работа в фирме его мало интересует, то ли он полагается на мою самостоятельность в принятии решений. Последний раз, когда он с такой срочностью позвал меня, его интересовали отношения между моими и его родителями и кое-какие детали его детства. Я-то моложе его, но он полагал, что я слышал что-то, интересующее его, от членов моей семьи. Натан ужасно не любит, чтобы какая-либо деталь из жизни его отчего дома была забыта.

Натан сидит в кресле в углу своего огромного кабинета. «Привет, Меир. Как себя чувствует Рахель, как ее настроение? Она показалась мне несколько сбитой с толку, когда вы были у нас. Тебе бы следовало узнать, что ее беспокоит. Но не для этого я тебя позвал, а для того, чтобы ты, в конце концов, сделал что-то важное для меня. Хотя, в основном, все, что кажется важным тебе, меня вообще не интересует, но именно ты можешь мне сейчас помочь». Я слушаю его, и кабинет его кажется мне намного обширней, чем всегда: быть может, он что-то изменил в нем со времени последней нашей встречи.

Обычно, когда он приглашает меня к себе, в кабинете

находятся и другие сотрудники: он объединяет несколько встреч, с каждым обсуждая другую тему. Все интересующие его вещи он выясняет одновременно, и, главное, ничто не остается тайной: «Все равно ведь вы рассказываете обо всем друг другу. И вообще, когда вы сидите у меня все вместе, никто не может считать, что он приближен ко мне больше других». По-моему, Натан получает особенное удовольствие, когда начинается какой-нибудь резкий спор, а он сидит, не вмешиваясь и не высказывая свое мнение.

Но сейчас в кабинете только мы вдвоем. Взгляд у него усталый, а ведь время обеденное, когда Натан обычно уже полностью просыпается. На столе его груда свежих научных и художественных газет. Кажется, я вижу также несколько томов новомодного бестселлера об истории взаимоотношений Англии и Франции. За спиной Натана, на стене, – портрет его отца. Я помню его живым, сидящим почти вплотную ко мне, в доме моих родителей. В кабинете стоят какие-то новые компьютеры и музыкальные инструменты. Специалисты определили точное расположение каждой из этих вещей, расстояние между ними и их роль в некой единой системе. По-моему, некоторые из них уже функционируют, другие еще упакованы и ждут, пока Натан их извлечет и сам соберет детали в нечто целое.

Люди входят и почти тотчас выходят из кабинета. Чаще всего это сотрудники фирмы, но заходят и посыльные. Натан не реагирует на их реплики, и они спешат покинуть каби-

нет. Обычно он внимателен к входящим, улыбается, вспышки гнева у него редки. Вижу на тарелке остатки того, что он ел раньше, и уже очищенное для следующего приема пищи место. Сейчас должен зайти Узи и спросить Натана, что он предпочитает на обед. Я слышал, что кухня в здании стала намного лучше, вероятно, заполучили профессиональную повариху.

«Меир, ты единственный из моих друзей и, в общем-то, из моих сотрудников, у которого есть хотя бы одна определенная идея. Это как в музыке, которую я люблю: удачное произведение всегда является сочетанием нескольких переплетающихся тем. Но если композитор не находит ни одной темы, он, по сути, упирается в тупик». Я полагаю, что Натан сейчас же скажет, зачем он меня столь срочно вызвал, как это бывает в рассказе, открывающемся смертью героя, или в королевской династии, которая начинает свой путь с упоминания наследников. Но я ничего не понимаю. Я не был удивлен, когда он сказал, что между ним и мной существует большой разрыв и разница в статусе, ибо это понятно само собой. О какой же помощи ему идет речь?

Натан встает из кресла. Ноги его выделяются еще молодой силой по сравнению с толстым телом. Можно предположить, что мой вес составляет половину его веса, но мое беспокойство, несомненно, превышает его страхи. «Я обязан себя защищать, – говорит он. – Если Рина преуспеет в своих планах полностью сбить меня с толку, я потеряю все, – даже то, что

получил от своего отца, не говоря уже о том, что сам создал. Знай, Меир. Рина решила ввести в действие некую новую систему. Она хочет сбить с толку весь установившийся порядок и все действующие районы. Ты можешь себе представить, что все четко обозначенные и успешно действующие районы приложения наших сил в мире или даже на улице и в доме перестали работать? Не будут знать даже, что сообщать в прогнозе погоды. И эту странную систему она хочет первым делом ввести в нашем доме. Приводит в дом тигра, хочет привести для меня новую жену, приглашает сотрудников фирмы, не спрашивая моего согласия, запутывает всех и вся. Она не желает, чтобы была четкая разница между домом и улицей, между семьей и африканскими лесами».

Натан всегда потеет и носит с собой особый платок, чтобы вытирать им лицо, но сегодня он просто истекает потом, и с каким-то необычным для него выражением слабости в глазах говорит странным для него языком:

«Помнишь, Меир, нашу школьную песенку о сильном человеке: сильное лицо выращивает сильного человека, и он выращивает мощные брови. Я сейчас не чувствую себя сильным человеком. Пока я еще сильнее тебя, но нуждаюсь в твоей помощи. Сегодня впервые я боюсь возвращаться в свой дом. В общем-то, люди в моем положении не обязаны приходить домой каждый день, только обычные люди большую часть времени находятся дома, но даже если вдруг мне захочется домой, я боюсь туда идти. Рина сидит с этим тигром в

доме, который я купил для нас и в который ввел ее. В детстве она не видела ни таких огромных и роскошных комнат, ни таких людей, как я. Теперь она сумела напугать меня. С тех пор как тигр обитает в нашем доме, его запах не выветривается ни из моих пор, ни из моей одежды.

Мне кажется, некоторые почувствовали этот запах и предпочли ко мне не приближаться. Полагаю, что они не захотят ко мне прикоснуться, видя грязь под ногтями моих больших рук. Вот уже, две недели я ем намного меньше, чем обычно, главным образом сладости, и не покупаю себе ничего нового».

Я внимаю Натану, его грубому, смущенному голосу. Тело его огромно и талантливо, пальцы его умеют достигать цели. Сказанное им заставляет меня думать о себе и о Рахели. Она никогда не предпринимала против меня каких-либо резких шагов. Она любит печатать на машинке мои работы, помогать мне, вникать во все детали моей деятельности. Почти всегда, печатая мои работы, она стирает ту или иную букву, добавляет лишнюю строку. Теперь мне кажется, что делает это она преднамеренно, чтобы наша совместная работа никогда не завершалась, чтобы всегда что-то оставалось для исправления.

Натан повышает голос, что на него непохоже: «Меир, сконцентрируйся сейчас только на мне. Вы все зарабатываете на моих способностях, так помогите и мне сейчас, в конце концов. Отбрось свои обычные мысли, напряги свое вооб-

ражение, поищи аналогии». Он переходит к указаниям, как обычный работодатель: «Возьми этот ключ от моего дома. — Он отделяет ключ от огромной связки, которая всегда прикреплена к его поясу. — Зайди в дом, не сообщая об этом Рине, соблазни чем-нибудь и завлеки зверя ко мне. Я не готов к тому, чтобы Рина продолжала им манипулировать, я хочу его себе. Одно из двух: или он привыкнет ко мне, или я его уничтожу. Принеси мне также из дома вещи, согласно этому списку, они мне необходимы для поездки в Европу». Он подает мне список, отпечатанный на принтере, рисует со всеми подробностями расположение комнат в доме, шкафы, свои тайники. Непонятно, зачем ему нужны еще эти вещи, если в других его квартирах в мире, несомненно, есть и одежда, и приборы? Я изучаю список, и вижу, главным образом, ссылки на определенные брошюры в его огромной домашней библиотеке. Отмечен также самый роскошный его костюм.

«Само собой понятно, что Рина не должна быть в доме. Я все еще не уверен, что понимаю эту ее новую систему, и для своих нужд пользуюсь моим компьютером. Ты же, тем временем, думай над возможностью защитить меня во время моего отсутствия. Ведь ты в этом специалист: защищать всех, не враждуя ни с кем. И последнее: если Дана уже явилась в наш дом, попроси ее покинуть его и ждать в другом месте. Я отблагодарю за любую задержку и неудобство, но я не хочу, чтобы она прижилась в доме, когда меня там не

будет. Скажи ей, что, в любом случае, я отношусь всерьез к соглашению, которое Рина заключила с ней». Натан не упоминает о моем заработке, вероятно, считая все его особые и весьма сложные просьбы частью обычной моей работы или, быть может, видя в них необычную личную помощь с моей стороны. Я уже слышал от нескольких его высокопоставленных сотрудников, что ему особенно тяжело платить большую одноразовую сумму за услуги, хотя постоянную зарплату он всегда выдает во время и со всем добавками. Я возвращаюсь в свой кабинет, звоню Рахели и почти шепотом ввожу ее в курс дела. Ожидаемый совет: ни в коем случае не ходить в дом Рины. «Невозможно представить, что задумал Натан. Быть может, даже Рина сама связана с этим планом, или же тут какая-то скрытая и опасная борьба. Они ведь сильнее тебя и лишены всякой верности. Приходи сейчас же домой. И вообще, я снова занялась перестановкой вещей в нашем доме, вот и скажешь, нравится ли тебе этот новый порядок. Почему я должна все решать сама, а ты потом явишься, и не будешь знать, радоваться или упрекать меня?»

Я же немедленно еду к Рине, думая над тем, как не поспорить с Натаном и не опоздать домой. Я подхожу к двери их дома, но не стучу и не звоню, а громким голосом зову Рину. Мне кажется подозрительным, что нет никакого ответа. Я сообщаю тем же громким голосом, что у меня есть ключ. Никакой реакции. Я пытаюсь открыть ключом дверь, замок достаточно сложен, но, в конце концов, открывается,

однако звук открываемого замка странен. Я вхожу, зажигаю свет и оглядываюсь. Быть может, лишь такой тощий и беспокойный человек, как я, может украсть тигра у женщины. Я, вероятно, умею отлично справляться с вещами, которые далеки от моего опыта. В квартире приятный запах. В ней намного больше порядка, чем в моей, несмотря на то, что вещей здесь гораздо больше.

Закрытые комнаты я не открываю. Если появится необходимость, открою и их. Пока же довольствуюсь открытыми. Натан полагал, что большую часть дня тигр закрыт в комнате сына Шломо, который вернулся к занятиям в интернат после каникул. Комната его достаточно просторна для тигренка. Я полагаю, что Рина хранит зверя в том месте, которое согласовала с Натаном. Она вообще-то не склонна спорить по таким мелочам. Но трудно понять, что происходит сейчас между ними. Я очень боюсь. Никогда я не умел приближаться к животным — ни к собакам, ни к кошкам, тем более, к хищным зверям, даже если они спокойны и сыты. Поиски в открытых комнатах безрезультатны. Вообще-то я привычен к быстрым достижениям, даже если другие считают, что это не так. И вообще, почему такой человек, как я, должен искать в чужой квартире женщину с тигром. Ведь есть у меня своя женщина, и любимый ребенок, и приличная зарплата. Конечно, более крепкая связь с Натаном может принести мне большие прибыли, но сомнительно, оправдают ли они эти странные усилия по выполнению просьб Натана.

Рина внезапно выходит из одной из закрытых комнат, спрашивает, приготовить ли мне попить, вообще не интересуясь, как я попал в их квартиру. Быть может, слышала, как я ее окликал, но была в это время занята. Предпочитаю промолчать, спрашиваю об ее здоровье. Я умею расположить собеседника к откровенности. Они раскрывают мне душу, рассказывая подробно о себе то, что скрывают от других. Но на этот раз Рина отвечает мне кратко, сообщая, что Натан собирается в Европу на несколько дней, и она хочет использовать это время, чтобы проверить, может ли она вернуться в университет, чтобы продолжить учебу.

Я получаю удовольствие, разглядывая ее лицо. По сей день я не могу разгадать секрет женского лица. Замечаю нечто новое в облике Риной. Не только то, что она похорошела, но определенные линии ее лица выглядят как разбросанные дома, окруженные лесом. Двадцать (или около двадцати) лет замужества за Натаном были нелегкими, но в то же время захватывающими. Трудно мне поверить, что без Натана Рина смогла так развиться и достичь успеха в своем образовании. Я продолжаю вглядываться в ее лицо и думаю с удивлением: если бы я выбирал заново жену, всматривался бы я в те детали, которым в прошлом не придавал значения.

Рина приносит мне попить, но не предлагает какое-либо

угощение, думая, вероятно, что откажусь. Спрашивает, как здоровье Рахели. Я не отвечаю, а она не повторяет вопроса. Отыскивает дневник: нет ли у нее с Натаном сегодня какого-либо приема или других мероприятий. Говорит мне: «Натан слишком много ест и не следит за собой. Говоря твоим языком, я бы сказала, что сон и еда смешались в его теле так, что их невозможно отделить друг от друга». Я снова не отвечаю. Годы понадобились мне, чтобы понять, что я вовсе не обязан отвечать на каждое слово собеседника.

Звонит Рахель. Рина со странной улыбкой дает мне трубку, я чувствую себя страшно неловко. Трудно поверить, что и Рина таким же способом ведет слежку за своим мужем. Рахель спрашивает, когда я вернусь домой. Я повторяю, что Натан попросил меня о помощи. Рахель сердится, голос ее то ослабевает, то усиливается: «В любом случае побыстрее возвращайся, мне надоело ждать тебя». Я кладу трубку и спрашиваю Рину, где тигр. Она отвечает, что послала его на прогулку. «Он уже выдрессирован, может сам прогуляться по короткому кругу, если никто его не водит. Никого не трогает. Несколько раз я сопровождала его и убедилась, что на него можно положиться. Если все же что-нибудь случится, найдут Натана или меня».

Я понимаю, что не смогу вывести тигра из дома. Зверя, который сам выходит и возвращается, невозможно увести. Видимо, Натан ждал слишком долго. И вообще, вместо того, чтобы заниматься собой, семьей, своими идеями, я по-

слушно иду решать проблемы других пар и этого странного тигра. В конце концов, я останусь без места для самого себя. И все же я спрашиваю Рину об ее муже. Неожиданно я смею задавать достаточно острые вопросы: «Что происходит с тобой и Натаном, вы меня просто сводите с ума». И Рина непривычно низким голосом отвечает: «Есть трудности. Натан человек талантливый, необычный во всем. Но женщине вообще-то хорошо с человеком обычным».

Опять звонит телефон. Рине сообщают, что Натан решил вылететь раньше назначенного времени, вечерним самолетом. Рина спрашивает секретаршу, надо ли принести ему что-то из дому. Мысль ее всегда практична, подобно телу, которое каждый миг знает, что от него хотят. Именно в этот миг кто-то скребется в дверь. Возвращается тигр. Меня она не слышала, когда я вошел, его же слышит мгновенно, гладит по шерсти, освежает его спину мягким влажным полотенцем, ставит возле него прозрачное ведро с водой. Тигр пьет, смотрит на меня, но не приближается. Когда-то я думал, что взгляд людей тянется к тому, о чем они думают в этот миг. Позднее, я открыл, что любящие смотрят друг на друга лишь в моменты волнения. В последнее же время я видел людей, которые смотрят друг на друга в момент слабости.

Вспоминаю о списке Натана. Если начну искать его в кармане, мои движения могут возбудить тигра. Можно напрячь память и вспомнить, что было в том списке. Я помню ко-

стюм, но не стоит его искать, чтобы потом крутиться с такой тяжестью. Брошюры, несомненно, ему более важны. Спрашиваю Рину. Она отвечает, что овчинка выделки не стоит: «Библиотека Натана полна неупорядоченных груд книг и брошюр. Только в последнее время он купил уйму новых книг, словно хочет заняться новым исследованием. Если ему понадобится что-то дополнительное, он может сказать мне или сам прийти за этим». Я колеблюсь: передать ли ей список Натана. Решаю, что не следует этого делать, а просто как можно быстрее смотаться.

Жена моя Рахель встречает меня с неожиданной для меня радостью. Честно говоря, она никогда не отличалась желанием побаловать меня, но никогда не забывает, что мы муж и жена. Такие товарищи, как Натан и Рина, видятся ей лишними. Она считает, что, экономя деньги, мы сможем стать независимыми от моей работы у Натана и не зависеть от их «сумасшедших капризов и не менее безумных идей». Я рассказываю Рахель, что по дороге домой видел на улице две-три пары, идущие рука об руку. Мне кажется, после многолетнего перерыва можно снова и нередко увидеть мужчину и женщину, держащимися за руки.

Умывая лицо, я замечаю, что волосы у меня значительно почернели за последние две недели. Как это может быть, чтобы волосы седели, а потом часть из них опять темнела? Я ворошу волосы Рахель, как бы невзначай, и при этом говорю совсем о другом. Рахель слабенько гладит мою руку и предлагает мне попытаться снова поработать над статьей в газету. «Твои статьи написаны ясным языком и могут повлиять на людей. Быть может, напишешь об изучении ТАНАХа в стране, о страхе некоторых, которые боятся, что дети будут изучать оригинальные произведения». Мне странно, что Рахель до такой степени вмешивается в мои писания, и абсолютно отмечает все, что касается моей работе в компании. И все же

ее заинтересованность для меня важна.

С момента нашей женитьбы Рахель потолстела, хотя лицо ее осталось молодым. Стыдливость ее по отношению ко мне уменьшилась в той же степени, как и удовлетворенность мною. Она не торопится выражать радость, но и не старается меня раздражать. Ее умение быстро засыпать напоминает мне учительницу, которая год за годом с неослабевающей серьезностью учит тем же буквам. Не сомневаюсь, что по сей день мое поведение сбивает ее с толку. Раньше я еще вызывал у нее изумление, теперь же я ею полностью изучен и раскрыт. Не удивлюсь, если она без моего разрешения проглядывает мои записи. Хорошо еще, что она пока не высказывает свои замечания.

Час поздний, но Рахель предлагает мне прогуляться по улице. В этот момент является женщина-посыльный из офиса. Натан предпочитает женщин в качестве водителей, посыльных по личным его делам, секретарш, хотя не гнушается и мужчинами. Женщина передает мне конверт, в котором, как она говорит, кассета с записью голоса Натана. Слышу с удивлением, что Натан назначает меня «исполняющим обязанности шефа во всех смыслах этого слова». Выясняется, что он планирует поездку гораздо более долгую, чем полагал, и потому просит меня вести его дела в стране. «Ты должен также взять шефство над моим домом и всем, что в нем», — говорит Натан. Рахель слышит все и реагирует с неожиданной яростью, даже не дождавшись ухода женщины.

Замолкает и кричит почти одновременно. Обвиняет меня, что я совсем запутался в этом деле. «Это вообще не наша жизнь. Меня не интересуют эти планы Натана. Погляди, что вышло из этой дружбы». Рахель плачет и отталкивает меня, когда я хочу приблизиться к ней, чтобы успокоить. Закрывается в соседней комнате с книгой и мерзким своим настроением. В этот момент наш сын Ярон возвращается домой. Я чутьочку сгибаюсь, чтобы обнять его и поцеловать. Мне всегда легче нагнуться, чтобы обнять ребенка на высоте его роста. Рахель из соседней комнаты просит Ярона приготовить самому себе ужин, все взять из холодильника. Я с досадой сажусь на стул.

Женщина-посыльный все еще в комнате. «Хочу представиться, – говорит она мне, – сейчас ты мой начальник. Натан тебя назначил, и в этом нет сомнения». Она приближается ко мне и жмет мне руку. «Я Дана. Ты, должно быть, слышал от Риной о моей должности и об особой договоренности между Натаном, Риной и мной. Я поняла, что в связи с поездкой Натана наша договоренность несколько отодвигается. Но официально я начинаю сегодня. Натан предпочитает, чтобы я спала в его доме. Надо же привыкнуть. Может, он тебе сказал обо мне нечто другое, но ты не беспокойся. Отсюда я иду к Рине и согласую с ней все детали». Дана красива. Моложе меня, не знаю на сколько. Нет в ней в этот момент ничего отталкивающего. Может, через несколько лет она будет выглядеть по-иному. Я не спускаю с нее глаз. «Приятно

видеть тебя здесь, Дана, но мне следует отдохнуть. Побывать с сыном. Да и жена моя себя неважно чувствует. Встретимся в офисе». Дана улыбается. Рост у нее высокий, почти вровень с моим. Цвет кожи и глаз излучает спокойствие. Благодарит меня и уходит. Я беседую с сыном Яроном. Потом, быть может, пойду и поглажу волосы Рахели, но тут обнаруживаю, что она уже спит, спиной ко мне, в платье.

Утром звонят из офиса. Спрашивают, когда приехать за мной. Понятно, что Натан дал указание всем сотрудникам выполнять мои приказы. Приезжает незнакомый мне водитель. Видно, Натан наказал своей женщине-водителю дожидаться его. Водитель ждет, пока я закончу утреннюю молитву. Интересно, сколько сотрудников фирмы молится по утрам. По дороге я думаю, что следует, первым делом, захватить снова в дом Натана и Рины. На меня возложена определенная ответственность за нее, и не следует запускать ее дела. Рина слышит мой голос, и с радостью распахивает дверь.

Иду за ней на кухню и обнаруживаю, что Дана и Рина сидели там достаточно долго вместе. На столе тетрадь с записями. Рина говорит, а Дана записывает. Интересно, будут ли они продолжать работу при мне. Теперь мне абсолютно ясно, что я мог бы влюбиться в Дану. Не помню вообще отчетливо, когда я любил. Быть может, намного спокойней быть женатым на женщине, которую не совсем любишь. Дана с интересом смотрит на меня. С первого взгляда женщины находят во мне что-то весьма влекущее. Потом все это успокаивается. «Мы разделили все на несколько главных тем, — говорит Дана. — Рина объясняет мне распорядок дня Натана и свой. Показывает комнаты: какие из них используются в то или иное время дня или года. Затем займемся поездками — по стране

и по миру. Распишем овощи и фрукты, которые надо заказывать, сорта мяса, которые любит Натан, ну, и, естественно, одежду». Молодая и нежная девушка, решившая жить с замужней парой, которая намного старше ее, сидит в их кухне и, еще немного, сможет готовить еду для всех троих. Интересно, когда Натан расскажет ей о своих хобби и коллекциях или пошлет ее собрать информацию о продаже мебели в дальнюю страну? Дана одета в брюки и, кажется мне, они приятны на ощупь. На ней рубашка из тонкой ткани, волосы каштанового цвета собраны на затылке. Рина на ее фоне выглядит постаревшей, но одетой со вкусом, как говорится, во всех деталях. «Хочешь нам что-то сообщить? – спрашивает меня Рина. – Слышала, что Натан вчера назначил тебя руководить всеми нами». Предпочитаю не реагировать. Мне совершенно непонятно, что сделать.

Внезапно Рина встает и говорит: «Дана, сейчас время, когда надо его разбудить». Дана идет за ней в конец коридора. Рина обращается ко мне: «Подожди, Меир, тебе незачем торопиться в офис. Сотрудники привыкли к тому, что Натан приходит почти в полдень. И ты можешь опоздать. Стоит тебе подождать и еще раз посмотреть на тигра. В тот раз ты почти не видел его». Естественно, я жду, напряжение во мне растет. Тело мое непроизвольно проявляет нервозность. Спрашиваю Рину, знает ли она, насколько уехал Натан. Выясняется, что на этот раз никто не осведомлен о длительности его поездки. Рина даже не знает, куда он уехал. Между

тем, она остается со мной в кухне, а Дана еще не вернулась.

Голос ее слышен в коридоре. Она что-то негромко напевает, входит в кухню, тянет голубую ленту, в конце которой возникает тигр. Шкура его выглядит чистой, вероятно, после купания. Приятный запах духов исходит не только от Даны, но и от тигра. Я почему-то вспоминаю раскидистое дерево. Больше всего я люблю разглядывать деревья. Особенно те необычные, у которых каждая ветвь превращается в самостоятельное дерево. Я убежден, что плоть дерева, как тело женщины, состоит из множества разных самостоятельно действующих организмов. «Что скажешь, Меир, – обращается ко мне Дана, – может, подойдешь к тигру поближе, а заодно и ко мне? Никто тебя не обвинит в запретных связях с тигром, и я тоже не укушу тебя». Она смеется голосом, который я давно не слышал. Опять я ощущаю давление и обрыв в животе. Я способен укротить внутреннее сопротивление. Дана и Рина даже не почувствуют моего затруднения. Следует сейчас поторопиться, выйти отсюда. Быть может, даже вернуться домой, или, в конце концов, явиться в офис. Говорю: «Вы ведь знаете, что нужно идти». – «Кому нужно?» – упрямится Дана. «Я, только я должен идти. У вас двоих тут, в доме, есть все, в чем вы нуждаетесь».

Я покидаю их в явном внутреннем смятении, почти не прощаясь, что мне не присуще. В офисе меня встречают с радостью. Выясняется, что с утра Узи ожидает меня у вхо-

да в здание с букетом цветов. «Мы все рады, что ты здесь. Идем, покажу тебе твой новый кабинет». Поднимаемся на лифте на этаж, где находится кабинет Натана и мой, обычный. Кабинет его заперт, но недалеко от него приготовили мне уютный рабочий уголок. «Посмотрим, за сколько времени твой стол будет завален бумагами», – говорит, улыбаясь, Узи. Меня немного коробят его замечания, он смущен, даже немного испуган, торопливо объясняет мне, как работают некоторые приборы, предоставленные в мое распоряжение: «Натан потребовал, чтобы мы для тебя подготовили самое новое оборудование. Ты можешь отсюда соединиться с любым отделом, даже с каждым сотрудником, получить необходимую информацию. Если захочешь, можешь слушать музыку». Я хочу поставить в вазу букет цветов и обнаруживаю в нем еще один подарок: небольшой серебряный прибор. Я должен был предположить, что в окружении Натана привыкли к таким небольшим дорогим подаркам.

Я вспоминаю, что по дороге сюда был напряжен, вероятно, находясь под впечатлением встречи с Даной и Риной. Потому не очень следил, как обычно, за другими людьми на улице. Я люблю, как говорится, лицезреть парочки и сравнивать их вид по утрам и вечерам. Чаще всего вечером лица их полны покоя, тела сближены, руки нередко сплетены. Утром же эта близость словно бы испаряется, разговор между ними краток, им даже трудно прикоснуться друг к другу. Слышал бы Натан мои размышления, наслаждался бы ими и посмеи-

вался. Вообще мои уводящие далеко размышления чужды и странны ему. Он приближается к людям не по времени, будь то утро или вечер, и не по желанию прикоснуться или погладить, а просто подходит и берет. Я даже не могу вспомнить случай, когда он гладил свою жену Рину, представить, как он касается ее тела, и это при том, что мне абсолютно ясно: физическая сторона играет главную роль в их отношениях.

Не очень-то подходят эти мысли к месту моей новой должности, и надо сконцентрироваться на деле. Поступаю совсем не обычным для меня образом: сажусь на ковер и вытягиваю ноги. Снова становится ясно: для того, чтобы преуспеть в одном деле, нужно сосредоточиться на другом. Вот же, выполнял для Натана второстепенные дела, посвящая большую часть времени своей семье и своим мыслям, и именно я был избран Натаном – исполнять его обязанности в его отсутствие. Как художник, который внезапно бросает кисти и начинает управлять государством. Я знаю, что Рахель думает по-иному. По ее мнению, только тот, кто концентрируется на одной теме, способен добиться успеха. Тем временем приходят ко мне старшие сотрудники Натана. Некоторые из них приколоты к одежде таблички с их именами, чтобы мне было легче их опознать. Кто-то большими буквами написал мое имя на доске, стоящей за моей спиной: «Успеха, Меир!»

Естественно, я встаю с ковра. Явно не подходит лежать на нем, когда начальники всех отделов пришли к тебе на ауди-

енцию. В ближайшие дни постараюсь также одеваться соответственно. Обычно одежда моя не совсем чиста, не выглажена и вообще не упорядочена. Придется попросить Рахель проследить за этим. Приглашаю всех сесть и доложить о развитии главных направлений нашей деятельности вчера и сегодня. В компании я работаю несколько лет и знаком со всеми ее отраслями, но, естественно, не в деталях. Большинство инвестиций Натана и его отца мне известно, однако, оказывается, произошли впечатляющие изменения. Я слушаю их достаточно внимательно и все же, время от времени, отвлекаюсь на посторонние мысли. После часовой беседы предлагаю ее завершить. Сотрудники быстренько покидают кабинет. Я записываю несколько замечаний в новую специальную тетрадь, размышляя над тем, каким умным вопросом смогу завтра их удивить или даже поставить в тупик. Иду в кабинет Натана, открываю дверь, отмечаю, что кресло его покрыто чехлом и отодвинуто в угол. Так я делаю в пасхальные дни, заменяя обычное в течение года кресло другим, временным, чистым, праздничным. Остальное в его кабинете неизменно, только что его самого нет. На столе несколько статей на английском языке об искусстве. Читаю и понимаю лишь подзаголовки, обозначающие главное в обсуждаемой теме. Никогда я не отличался знанием иностранных языков. В статье, как мне кажется, обсуждается связь между английским и французским изобразительным искусством в средние века.

Снова возникают боли в животе. Пью чай и не прикасаюсь к еде, которую мне принес Узи. К моему удивлению, секретарши Натана вообще не появляются у меня в кабинете. Только Узи является главным связным со мной. Он считает, что нужно заказать полный обед для меня из кошерной столовой, ибо я, как он говорит, «справедливо не доверяю кухне компании как сотрудник, соблюдающий кошер». Объясняю ему, что почувствовал себя плохо. Рахель звонит мне, говорит слабым голосом. Вероятно, у нее дни месячных, когда она не в силах стоять на ногах. Я уже знаю, что, придя домой, почую запах ее крови в разных местах квартиры, хотя нигде не будет никаких пятен. Рахель спрашивает, как я себя чувствую, затем говорит: «Ты сможешь справиться с тем, что взвалил на себя, лишь с моей помощью». Мне ясно, что любовью мой ответ покажется ей оскорбительным, поэтому лишь говорю: «Так или иначе, ты всегда со мной». — «Нет, — говорит она, — я не имею в виду общие фразы. Больше ты не сможешь влиять на меня своими идеями. Я говорю “с моей помощью”, и это означает, что я буду рядом с тобой, на каждой встрече, в каждой поездке, при каждой беседе». Она замолкает. Если я не отвечу, молчание может продолжаться долго. Однажды я уже провел такой опыт с Рахель, и, в конце концов, именно я прервал молчание. Я снова чувствую ее

беспомощность, и голос мой вызывает у нее боль: «Приходи в офис, я ведь и так нахожусь здесь».

Если Рахель придет, люди Натана, естественно, будут удивлены. Я не думаю, что Рина когда-либо сидела в кабинете Натана, по-моему, даже не появлялась здесь. Тем временем мне приносят новые документы для чтения и подписи. Я прошу, чтобы каждый документ до меня подписал начальник соответствующего отдела. С одной стороны, основные позиции в документах я понимаю, с другой же стороны, увеличивается мое непонимание. Сами инвестиции мне понятны, но сравнения между ними и расчеты прибылей слишком для меня сложны. Пытаюсь понять те или иные цифры в балансовом отчете. Внезапно в кабинет входит Рахель, бледная, толстая, взгляд неотразим, платье странно широкое. В руках ее книга для чтения, она усаживается в кресло, наливает себе воду в стакан, ищет страницу. Смотрит на меня коротко и прямо. Я не люблю эти ее одежды, но скромность ее всегда радует меня.

Входит Узи, спрашивает Рахель, чем он может быть ей полезен. Рахель коротко и сдержанно благодарит его. Она кладет несколько своих вещей на мой стол, покрывая большую его часть, упоминает сына Ярона, возвращается в кресло, говорит, что и мне бы следовало углубиться в эту книгу, пытается даже громко прочесть пару абзацев. Я продолжаю заниматься своими делами. Спрашивает, не хочу ли я пойти куда-нибудь поесть и можно ли ослабить холод, идущий из кон-

диционера. Я тороплюсь найти на моем столе что-либо новое, чем можно заняться, чтобы не выглядеть в ее глазах бездельником. Спустя час она встает с кресла и говорит, что ей трудно оставаться в этом одном и том же положении. Ищет себе другое место. Приближается к окну. Берет стул, приставляет его к подоконнику, взбирается на него и ложится. Я продолжаю трудиться на поприще исполняющего обязанности Натана, а жена моя лежит на подоконнике. Возможно, через пару минут она заснет. Узи сообщает мне, что Натан скоро позвонит: хочет получить отчет о положении на фирме, и эти часы для него особенно удобны для разговора по телефону. Вдруг я вспоминаю, что с утра не разговаривал ни с Риной, ни с Даной. И вообще, быть может, есть вещи, которые я должен выяснить до разговора с Натаном. Я всегда люблю иметь в запасе избыток подробностей для отчета, пусть и краткого. В любом случае важно, чтобы он застал меня в офисе, иначе подумает, что я не выполняю свои обязанности и не осведомлен в деталях дел. Я испытываю немалое напряжение, ожидая звонка Натана.

Вот и его голос: «Хорошо проводишь время, Меир?» – он почти рывкает в трубку. «Чувствую, настроение твое исправилось». – Отвечаю и удивляюсь сам себе. «Слышал, ты неплохо управляешься со всеми важными делами», – говорит Натан. «Понятно, нет у меня твоих способностей к управлению, но мне помогают справиться», – я стараюсь уловить реакцию Рахели на мои слова. «Ну, а как там наши жен-

щины? – спрашивает Натан и сам отвечает, завершая разговор. – Несомненно, находят общий язык лучше, чем все мы».

Чувствую, что самочувствие мое ухудшилось. Говорю об этом Рахели, она щупает мой лоб, выходит на несколько минут и приносит какую-то жидкость, которая должна меня освежить. Она толкует о том, что последние дела совсем сбили меня с толку. «Я знаю, – говорит она, – сейчас не стоит это обсуждать. Еще немного, и ты скажешь, что из-за меня не можешь сосредоточиться на работе». Впервые со времен моего детства чувствую такое сильное давление в груди. Я всегда боюсь рвоты, и обычно мне удается одолеть тошноту, ибо все недомогания и боли в теле переходят в голову, там сосредотачивается сильная боль, и ею мне удастся преодолеть все слабости в теле. На этот раз я вынужден бежать в туалет, к умывальнику, и меня сотрясает неодолимая рвота. В голове путаются цифры и выкладки из балансовых отчетов, которые я пытался прочесть и понять.

Рахель стоит за мной, такая бледная и отчетливо ясная. Просит Узи подогнать машину. С детства я не был в больнице, и, кажется, Рахель собирается меня туда везти. После рвоты вроде стало легче, но сильная слабость охватывает меня, все тело пронизано дрожью. К головной боли я привычен и терплю ее, не испытывая страха, но рвота и появление слабости меня весьма беспокоят. Узи спрашивает, надо ли ему ехать с нами. Рахель предпочитает обойтись собственными силами. Получив соответствующие указания, шофер садит-

ся за руль. В теле моем творится что-то непонятное, но я не в силах выразить это в словах. Оказывается, есть ограничения даже моей открытости.

Мы в больнице, и Рахель просит вызвать определенного, знакомого ей врача. Оказывается, врач этот занят и придет, как только освободится. Меня укладывают на койку, и все мои страхи откровенно одолевают меня. После нескольких предварительных проверок решено оставить меня в больнице для более тщательных анализов. Вкатывают меня в большую палату с рядом коек, на части которых лежат больные. Возвращается Рахель и опять принимается за свое, говоря, что я полностью сбил с толку свое тело, оставил все, что для меня важно, и подорвал свое здоровье чуждыми ему занятиями.

Запах в палате терпим. Вспоминаю детские мои болезни и единственную госпитализацию в моей жизни. Тогда я одолел болезнь и окреп, теперь же нет у меня на это сил. Не раз в последние месяцы искал для себя легкую болезнь или хотя бы несколько недель отдыха. Тяжелой болезни я не желал, лишь бы оставили меня в покое окружающие, от Натана и до Рахели. Но сейчас, кажется, я серьезно заболел.

Лежит рядом со мной мальчик по имени Дани, играет со своей старшей сестрой в карты. Голова его обмотана бинтами, вероятно, обрита. Тасуют карты, и обсуждают его возвращение домой: намечают время, когда к ночи пойдут спать, когда ему делать уроки, когда есть сладости. Кажется, собираются каким-то неожиданным образом удивить мать. Речь мальчика приятна, но сбивчива, ему явно не хватает слов. «Сейчас понятно, почему я провалился на экзаменах: у меня была серьезная проблема», – говорит Дани. «Теперь перестанут сердиться на тебя», – поддерживает его сестра.

Между мной и мальчиком лежит взрослый мужчина, одетый в халат и, кажется, с зеленым галстуком на шее. Или я принимаю за галстук складку простыни. Он слушает какую-то передачу. Около него пустой стул. На маленьком столике торт. По-моему, торт творожный. Бутылка с водой. Полагаю, что главные разговоры с врачами и медсестрами от

имени палаты ведет именно этот человек.

Прикатывают другую койку, перекадывают меня на нее, вкатывают в лифт, чтобы везти на этаж, где располагаются лаборатории. Я ощущаю болезненность по всему телу. Рвота ослабла, но температура очень низкая и головокружение усилилось. Надо что-то извлечь из моего тела, чтобы стало легче, но что, не знаю. Главный врач осторожно и тщательно обследует все части моей головы. Я полагаю, что даже слабость мою он ощущает руками. Выходит в соседнюю комнату. Две медсестры перешептываются. Давно не видели врача в таком напряжении: «Можно подумать, что это его сын». — «Именно сейчас привезли мальчика после дорожной аварии. Слышала, что можно нащупать у него перелом черепа обычным прикосновением. Почему же мы столько тратим времени на этого больного? Надо бежать на помощь к мальчику». Тем временем берут кровь. Вена моя не знала этого со времен той детской болезни.

Возвращают в палату. Мальчик дремлет, сестра смотрит на него. Мужчина сидит на койке и жует свой обед. Я начинаю дремать. Кто-то входит в палату, смотрит на меня. Я не вижу, кто это, и не жажду видеть. Мне все равно, даже если я усну в его присутствии. Ничего меня не влечет, кроме желания обнять голову сына Ярона. Засыпаю, и снится мне обычный для меня сон, однако даже во сне сильная слабость не покидает меня. В одном из снов дает мне машину мой друг, который потерял обе ноги на войне. Он еще продолжа-

ет объяснять мне, как управлять машиной, а я уже еду на ней, и со мной в кабине несколько детишек. Через некоторое время один из детей объясняет мне, где замедлить движение и остановиться. Я не представляю, как управляет машиной человек, лишенный ног. Можно предположить, что он все делает руками. Также не ясно мне, где точно сидеть. Машина приближается к крутому спуску, но если я прижмусь к постоянной линии обочины, возможно, сумею проехать не сорвавшись вниз. То, что мы находимся у берега моря, кажется мне вполне объяснимым. Но море течет через шоссе, и это представляется мне странным. Так или иначе, машина продолжает двигаться внутри водного потока.

Проснувшись, я чувствую себя заметно лучше, но что-то происходит с глазами. Какие-то вещи мне тяжело разглядеть. Рахель сидит сбоку, я сжимаю ее лицо двумя руками и ставлю его перед глазами. Только так я могу ее видеть. Рахель не сопротивляется, помогает мне рассмотреть ее лицо, влажный постаревший лоб. Вызванный врач сейчас должен явиться, и он, как говорит Рахель, весьма опытный. Я не смыкаю глаз и прошу ее что-нибудь прочесть из книги. «Я принесла твою любимую книгу детства. Ты ведь рассказывал мне, что несколько раз читал “Графа Монте-Кристо” Александра Дюма. Нашла ее у Ярона». Она начинает читать, но тут приходит новый врач. От него идет приятный запах спокойствия и порядка. Спрашивает, какие лекарства я принимал в последнее время, и произошли ли какие-либо серьез-

ные события, о которых мне бы следовало ему рассказать. Я прошу воды, и мне ее приносят, но не так быстро и заботливо, которые я полагал. Мне казалось, что они обрадуются моей жажде. Врач начинает меня ощупывать активно и сосредоточенно. Вряд ли ему нужны лабораторные анализы, чтобы определить, что творится в моем теле. Ни разу в жизни я так не боялся, как в эти минуты. Никогда я так не отдалялся от близких и самого себя, как сейчас.

Рахель выходит вместе с врачом. Я готов подняться. Подошвы ослабевших ног касаются пола. Я осторожно двигаюсь, поглядывая и опираясь на все, что попадает под руку. Новый голос слышен в палате: «Что случилось с нашим начальником. Только свалилось на него немного ответственности, и он уже испугался?» Полагаю, что это голос Даны. Пытаюсь повернуть голову в ее сторону. «Возвращайся на койку. Пришла побыть с тобой, посмеяться над тобой и над собой». Теперь я ее вижу. Интересно, может ли тело мое влюбиться во время болезни. Она протягивает мне руку, сначала пожимает мою, затем поглаживает мои плечи. «Сказали, что ты болен, но по-моему, ты всего лишь немного устал. Натан и Рина желают тебе скорейшего выздоровления. Он звонит нам каждое утро и спрашивается о твоём здоровье. Беседует с Риной. Быть может, она полетит к нему на некоторое время».

Я ложусь. Вот уже несколько месяцев отчаянно тянет меня сосать собственный мой палец. Если бы рядом не было Даны, я бы это сделал. Сколько можно сдерживать свои влечения?

чения. Не случается, что ли, такое, что взрослый человек сосет свой палец, и кто сказал, что можно пристраститься к такому сосанию? Дана садится ко мне на постель, глаза ее напротив моего лица. Я знаю, что и в ее теле существуют оттапливающие периоды, в животе ее открываются очищающие течения, но это меня в данный момент не беспокоит. «Что тебе принести поесть?» – спрашивает она. «Может, немного винограда?» – отвечаю колеблющимся голосом. Дана уходит не надолго и приносит мне немного красного и зеленого винограда. Ни к чему мне обычная еда, если есть виноград. «Трудно определить, от чего ты больше ослабел, от работы, которую возложил на тебя Натан, или, быть может, от меня», – говорит Дана, и оба мы готовы рассмеяться. «Тебе не помешает, если я немного посплю?» – спрашиваю, и Дана реагирует с радостью. Поворачиваюсь к стене, сосредотачиваюсь в заглазном пространстве, чтобы погрузиться в покой. Сквозь наплывающую дрему спрашиваю: «Как дела у вашего тигра?» Дана рассказывает о целой серии упражнений, которые Рина добыла для дрессировки. «Он будет самым дисциплинированным, я уверена в этом. Ты и представить не можешь, насколько Рина им увлечена. Она хочет, чтобы он сидел и не отрывал от нее глаз. Рассказывает всем, что тигр в нее влюблен». Я погружаюсь снова в дремоту. Кто бы мог поверить, что я больным буду спать, не стыдясь, в присутствии незнакомой женщины. Во сне возвращаюсь к машине, едущей сквозь потоки воды, но на этот раз она несется

по крутому спуску вниз. К собственному удивлению обнаруживаю, что мне удастся вести машину. Другие остерегаются спускаться, а я делаю это достаточно ловко. Теперь мне бояться нечего крутизны: после того, как я ее одолел или даже свалился, ничего уже случиться не может.

Просыпаюсь, чувствуя облегчение. Надо заняться зарядкой перед принятием пищи. Снова пытаюсь встать, Дана подает мне руку. Рука ее приятна и намного сильнее, чем я предполагал. Глаза мои все еще видят лишь то, что близко перед ними, и то весьма размыто. Мы выходим на балкон, и я приближаюсь к перилам. Встаю на них и пытаюсь раскачиваться. Этаж невысокий, и что уж может случиться? Я перемещаюсь с места на места, с явным риском, на который не решался даже в детстве, переносу руки и ноги. Какие-то люди с интересом следят за мной, Дана же смотрит с удивлением. Кажется, бегут позвать врачей. Я ухитряюсь взобраться на трубу, соединяющую балконы. В общем-то, продвинулся немного, но мне ясно, где я нахожусь. В окне возникает Рахель, окликает меня. Она по-настоящему испугана, умоляет вернуться в палату. Минут через десяти я завершаю упражнения по хождению, подобно канатоходцу, по трубе, зависанию, раскачиванию, и возвращаюсь на балкон. Тяжкая, но приятная слабость растекается по всему телу. Выпиваю много сока и хочу снова погрузиться в дрему.

Рахель и Дана ведут разговор. Рахель сопровождает свои слова жестами, в то время как руки Даны покоятся на спинке

кресла. Я сворачиваюсь калачиком и отдыхаю. Новый врач приходит и объясняет мне, что надо будет обрить наголо голову: «Вообще-то, волосы на голове быстро отрастают, но мы решили тебе сообщить эту, как говорится, “головную” новость». Врач явно доволен игрой слов. Интересно, улыбаются ли этой шутке Рина и Дана? Они стоят сбоку от постели, и я не могу их видеть. Опять переносят меня на койку с колесиками, поднимают на лифте в операционную. Когда я прихожу в себя, почти ничего не вижу. Кричу ужасным криком. Возникает врач и спрашивает, сколько пальцев я вижу перед глазами. Говорю: «Три». Но, быть может, вообще ничего не вижу. Пытаются убедить меня, что вприснули мне в глаза лекарство для защиты от мази, вызывающей жжение, которой мне намазали голову. «Влияние лекарства пройдет, и ты сможешь снова хорошо видеть». Поят меня чаем с сахаром через соломинку. Возвращают меня в мою палату, но, кажется, на другую койку. Мальчик кричит со сна. Будят его с какой-то смесью жестокости и жалости. Кожа на голове жжет. «Где жжет?» – спрашивает Дана. «Покров головы». – «Если это только кожный покров, беспокоиться нечего. Нормально, что жжет там, где кожи касалась бритва или там, где покрывали мазью». Дана рассказывает, что принесла себе удобное кресло. «Можно в нем спать. Оно гораздо удобнее кровати. Подремлю в нем до утра пока не придет Рахель».

Из всех обслуживающих меня я предпочитаю Дмитрия. Репатриировался в страну несколько лет назад. Человек

сильный, обслуживает четко. Противную жидкость, которую мне надо пить, он вливает мне в рот одним движением, без предварительных объяснений и подготовки. Иногда приносит кубик льда, чтобы немного притупить чувствительность языка, но это не очень-то помогает.

Приносят мне мобильный телефон для срочного разговора. «Отвечай и слушай, кто это», – говорит Дана, и гладит мне руку. «Привет, Меир, – говорит издалека, но ясным голосом Натан, – возложил на тебя полностью управление, а ты сбежал в больницу. Передают мне, что ты довольно быстро вернешься на работу». – «Когда ты возвращаешься?» – спрашиваю Натана. «У меня тут серия встреч. Хорошо, что мы не продали тигра, он еще нам понадобится. Быть может, попрошу Рину присоединиться ко мне в поездке. Если тебе будут необходимы деньги, меня найдут».

Проходят дни. Все еще неизвестно, что привело к осложнению моего здоровья. То ли определенные лекарства, которые я принимал в последние месяцы, то ли какое-то воспаление в животе, то ли чувствительность к анестезии. Лекарство для глаз снижает давление глазного дна. Всегда у меня проблемы с глазами, связанные, вероятно, с головой и с тем, что они видят. Необходимо будет делать серию определенных упражнений для глаз в ближайшее время.

Приезжает Рахель – забрать меня домой. Дана уже упаковала мои немногочисленные вещи. Выясняется, что Рахель

управляет одной из машин фирмы. Спрашивает, не лучше ли будет мне отдохнуть несколько дней в квартире Натана. «У нас в доме Ярон со своими друзьями. Сильно шумят. А в квартире Натана целый день находится Дана. Она сможет за тобой следить. Кажется, Рина уже улетела к Натану, так что тебе будет там весьма комфортно». – «А как же насчет еды, они ведь не соблюдают кашрут, и я там ни разу не ел». – «Не беспокойся насчет кашрута. Я ведь в этом понимаю, и даже Дана начинает разбираться».

Странные это дни в доме Натана. Даже самому себе трудно о них рассказать. Я человек, для которого вера является основой его жизни, но, описывая в дневнике эти дни, я даже не упоминаю об этом. Таковы и целые периоды в Священном Писании, из которых невозможно узнать, как реально осуществляется вера, что охраняется там и каким образом. Я читаю в эти дни любимые мои книги, частью прочитанные в детстве, частью новые — философские. Время от времени приносят мне на подпись из офиса банковские бумаги по передаче больших сумм, ибо я имею право подписи, как исполняющий обязанности директора. Рина не находится в доме. Во всяком случае, я ее не встречаю. Дана проживает в своей комнате. Тигр входит и выходит, а Рахель навещает нас каждый день.

Каждое утро Дана приносит мне завтрак в постель: «Тебе можно есть до молитвы, я уверена». Затем она помогает мне привести себя в порядок. Особенно любит расчесывать мне волосы своей расческой и выдавливать пасту на мою зубную щетку. Затем спрашивает, можно ей выйти или я предпочитаю, чтоб она осталась со мной в доме. Если же выходит, звонит несколько раз, осведомляясь о моем здоровье, и спешит вернуться. Всегда приходит с каким-нибудь сюрпризом, сладостями, которые я люблю, каким-нибудь рассказом или во-

обще с какой-то новой радостью. Кажется мне, она весьма и весьма сближается со мной, чувствительна к каждому моему слову. Как это может быть, что девушка пришла обслуживать Натана и Рину, а в результате балует меня. Понятно, что и меня влечет к ней, но я решаюсь лишь погладить ее волосы или поддержать ее руку. Зрение мое улучшается. Каждый день Рахель приводит специалистку, которая старается расширить поле зрения. По-моему, она дочь известного офтальмолога. Говорит она мало, лишь улыбается. С улучшением зрения тело тоже крепнет. Дана водит меня более далекими кругами по дому Натана и Рины, показывает комнаты, которые я ни разу не видел. Много красивой удобной мебели и книг намного больше, чем я себе представлял. Что касается картин, кажется, лучшие Натан хранит в офисе. За тигром смотрит специально приставленный к нему молодой юноша из Африки по имени Генри. Иногда я наблюдаю, как он моет тигра особыми сильными моющими средствами. Однажды даже посадил его в хозяйскую ванну, вызвав гнев Даны. Генри ест вместе с тигром, следит за его когтями и выводит его гулять не менее трех раз в день. Я понял, что Генри берет его на площадку, где его дрессируют по указанию Натана. Они там бегают и играют. К счастью моему, Дана старается, чтобы я не встречался с тигром в квартире. Не удивлюсь, если Дана убедит Натана вывести тигра из дома в какой-нибудь особый питомник для зверей.

Выясняется, что Рина действительно уехала за границу, к

Натану. Когда Дана связывается с ними отчитаться, попросить что-либо или получить указания, она говорит с ними обоими. Натан задержался за границей намного дольше, чем полагал, и потому позвал к себе Рину. Быть может, убедился, что она не собирается наносить ему ущерб, или ему нужна ее помощь в делах. Я же развлекаю себя странными мыслями, например, положим, неким фантастическим планом Натана и Рины сблизить меня с Даной, оставив одних в их доме. Ведь, в общем-то, странно, что после того, как Натан был страшно сердит на Рину, вплоть до разрыва, он, спустя недолгое время, приглашает ее присоединиться к нему.

Выясняется, что важные материалы из офиса продолжают посылать Натану срочной почтой. Дана рассказывает, что в особых случаях, вызывающих сомнение, советуются с ней, стоит ли посылать ему определенные документы. Не понятно мне, как она может понять особо сложные деловые операции, но факт, что в течение считанных часов, раз в два дня, она завершает операцию. В дополнение к этому, приходят к ней начальники отделов для встречи и совместного чтения исправленного материала. Она встречается с ними в кабинете Натана, и каждые полчаса выходит справляться о моем самочувствии. Быть может, начальники отделов думают, что она выходит советоваться со мной, как исполняющим обязанности Натана, но Дана старается не вмешивать меня в какие-либо сложные деловые сделки. В особо загруженные работой дни она связывается с моей женой Рахелью и просит

помочь по уходу за мной. Пока Рахель пришла лишь пару раз с этой целью.

Спрашиваю Дану, знает ли Натан о новом порядке работы и о том, что я почти не вмешиваюсь в дела. Дана отвечает, что все это по указанию Натана и, понятно, когда я окрепну, то вернусь к выполнению возложенных на меня обязанностей. «И если ты соскучился по работе, это, несомненно, хороший признак». Раз это так, я должен как можно скорее прийти в себя. Прошу Дану выйти вечером из дому со мной на прогулку. Дана с радостью соглашается, берет меня за руку и тянет наружу. Генри идет за нами и несет сумку с питьем и лекарствами. Не удивлюсь, если она припрятала в сумке и любимые мною сладости. Мы гуляем по улицам, и Дана старается найти для меня места с деревьями. «Я помню, ты однажды сказал, что из всех творений природы ты больше всего любишь деревья, – говорит Дана. – Я надеюсь, что ты не включил в это предложение и людей». Она смеется довольным смехом. Хорошо, что еще достаточно светло, и я могу рассматривать деревья и ощущать, как в меня вливается покой. Мне очень бы хотелось увидеть в это время Ярона, но, не знаю по какой причине, я воздерживаюсь сказать Дане об этом. Не понимаю, почему Рахель не приводит его ко мне каждый день. Быть может, боится, что он увидит меня худым и беспомощным. Не думаю, что мой вид нанесет ущерб моему сыну. Мы продолжаем прогулку, держась за руки с момента выхода из дома. Не знаю, насколько Дана держит мою

руку, чтобы вести меня, а насколько мы просто радуемся нашей близости.

Дана напоминает мне, что врач предупредил не гулять на солнце, что я и делаю, во всяком случае, пока не выздоровею. «И вообще, ты можешь все распланировать заново, – говорит она. – По сути, нет ничего, что ты обязан делать. Есть у тебя редчайшая возможность войти в жизнь иным путем, истинно новый вход». Я удивляюсь этой ее метафоре и даже ощущаю настоящее волнение. «Знаешь ли ты, сколько людей радовалось бы такой возможности?» – «Верно, Дана. Но я все же еще немного болен». – «Ничего страшного, Меир. Я буду терпеливо ждать, тем более, что мы сейчас все время вместе». Я считаю с ней, сколько времени прошло с момента нашего знакомства. Я появилась в доме, как в детективном фильме, говорит Дана, принесла тебе кассету с указаниями. Затем она находилась в больнице, и прошло несколько дней, как я живу в доме Натана. «Быть может, ты, Меир, соблазнил Натана и Рину пригласить меня, а затем инициировал их отъезд?» – спрашивает она, смеется и теребит волосы на моей голове.

В следующие вечера мы так же ходим на прогулку вдвоем. Через две недели я выхожу один, иногда даже утром. Дана предлагает, чтоб Генри как бы невидимо меня сопровождал. Я отказываюсь, ибо не знаю, следит ли он за мной, или Дана запрещают ему слежку.

Сегодня я встречаю в пути Узи, личного помощника Натана. Он радостно обнимает меня. «Когда ты к нам вернешься, Меир. Тебя не хватает. Никто у нас не умеет предлагать новые идеи, как ты. — Я благодарю его и хочу продолжать прогулку, но он держит меня. — Меир, если мы уже встретились, не убегай так быстро. Помнишь, я просил повысить мне зарплату, ты, верно, уже забыл об этом?» Не знаю, что ему ответить. Кажется, Натан в последнее время повысил ему зарплату, и вообще мне неясно, какая польза от него фирме. Да, он выполняет личные поручения Натана, но, по-моему, вообще не связан с текущей работой фирмы. «Мне кажется, тебе недавно повысили зарплату, только тебе. Невозможно каждый раз повышать. Что скажут другие работники? Ты же понимаешь, Натан отсутствует столько времени. Но если тебе это столь важно, свяжись с ним и спроси». Узи продолжает меня задерживать, но, в общем-то, замолкает. Я ухожу, сбитый с толку этой беседой и самим собой, не понимая, почему должен был с ним говорить столь жестко. Следует вер-

нуться к Дане.

Внезапно вспоминаю, что утром вообще не молился. Несомненно, опоздал к часу утренней молитвы восхваления Всевышнего – «Криат Шма». Я пытаюсь убыстрить шаг, может, найду более короткую дорогу к дому Натана. Дверь в дом открыта, и люди крутятся у входа. Часть знакома мне по офису, часть вовсе не знакома. Спрашиваю кого-то, могу ли я пройти в свою комнату, отдохнуть. «Только сейчас явился?» – спрашивает он. «Нет, я здесь несколько недель по болезни, но мне кажется, что вы тут что-то изменили, не помню, где моя комната». Он заглядывает в список, находит мое имя, дает мне ключ от новой комнаты и объяснительный листок, скорее подходящий к гостинице, а не к частному дому. В комнате сидят несколько людей, часть из них – на постели, часть – на полу. Заняты какой-то игрой, швыряют друг в друга подушки, бьют орехи. «Хотел бы немного отдохнуть», – говорю, но они продолжают заниматься своими делами с удовольствием и радостью. Быть может, ожидают, что я к ним присоединюсь. Спрашиваю: «Где Дана?» – «Выясни у ответственного на входе, но не беспокойся, она скоро явится, а мы покинем это место через несколько минут». Сажусь на краешке своей постели, вижу мои брюки, сложенные на стуле, в кармане мой кошелек. Думаю, не шарили ли они в нем. Хорошо, что не оставил его в ящике стола, могли бы подумать, что в нем истинные богатства.

Люди медленно и с шумом покидают комнату. Хочу от-

дохнуть, но в комнату входит Генри, спрашивает, не хочу ли я прогуляться с ним, поиграть в мяч. Иду за ним во двор, спрашиваю, кто эти люди, и он объясняет, что Натан дал указание сделать некоторые изменения в доме. «Дана сказала мне, что он срочно нуждается в дополнительных складах. Кажется мне, что они налаживают новую систему связи с Лондоном». Удивляюсь, что мне ничего об этом не сказали и пытаюсь думать о новом деле Натана. Снова вспоминаю, что еще не молился, звоню Рахели, прошу принести мне второй молитвенник, ибо первый исчез со стола.

Дана будит меня ликующим голосом: «Звонили Рина и Натан. Скоро они вернутся домой». — «С чего бы такая радость?» — «Я люблю, когда все дома». — «Что это за люди, которые заполонили вчера дом?» — «Прости, но они должны были сделать кое-какие работы, а меня в известность не поставили. Натан просит кое-что изменить в фундаменте дома». — «И ты так просто оставила меня на произвол судьбы и этих людей». — «Уверена, что у меня есть хороший ответ на это, но я сейчас его забыла», — Дана смеется, легко хлопает меня по животу и уходит в ванну.

Спустя час Дана сообщает, что пришла Рахель с Яроном. Наконец-то сподобились. Ярон вертится по огромной квартире, находит игрушечный электропоезд Натана и начинает с ним возиться. Вдруг мне становится ясно, что я вообще занимаюсь ненужными вещами. Предпочтительней было бы так вот сидеть и следить за лицом и действиями Ярона, и даже прикоснуться к нему. Что я тут вообще делаю в этом чужом доме. Ярон продолжает исследовать дальние углы квартиры. Загадываю про себя, успею ли я попить, пока Ярон вернется. Если успею, это будет добрым знаком моего выздоровления. Если нет, может, болезнь усилится. Снова возвращаются ко мне эти мучающие меня мысли, глупости овладевает моим сознанием. И все же я успокаиваюсь, успев

напиться до возвращения Ярона.

Он возвращается в хорошем настроении, и от этого мне тоже становится радостно. Целует меня в лоб, отдаляется, но снова приближается и целует меня в щеку. Я плачу. Шестнадцатилетний парень обнимает меня и я плачу. Что было бы, если глаза мои не выздоровели, и я не мог бы видеть сына? И вообще, почему меня занимают Натан и его сумасшествия, когда я мог бы сидеть весь день дома и разговаривать с моим Яроном. «Знаешь, я в последнее время очень преуспел в футболе, – говорит он, – не самый быстрый в классе, но забиваю много голов. Когда мяч у меня, я побеждаю. Добыть мяч труднее. Да и в делах, которые тебя интересуют, отец, у меня все в порядке: оценки хорошие, и я стал более организованным. Представь себе, одноклассники просят у меня тетради, чтобы списать».

«Почему ты все еще остаешься в этом доме? – неожиданно спрашивает он меня. – Ведь и дома мы можем тебя устроить с комфортом. Я научился вести себя тихо, точно как мама». Мучительны для меня слова Ярона. Не могу больше отдаляться от него, несмотря на то, что мне хорошо с Даной. Может, даже люблю ее. Я почти способен произнести про себя «моя любимая». Рахели я говорил слова признания и близости, но только не эти два слова. «Отец, возвращайся ко мне. Сейчас говорю с тобой. Когда мы будем снова играть вместе? Последний раз ты победил благодаря мне (играл я очень слабо). Может, поиграем завтра? Соглашайся. Ты же

получаешь удовольствие от игры не меньше моего. И не старайся всегда выглядеть радостным. Я ведь уже видел и тебя и маму плачущими. С тобой мне становилось грустно на минуту, с мамой – все время. И вообще, отец, в конце концов, вам придется серьезно поговорить. Ты не сможешь все время прятаться здесь. Что это такое, только я способен в этой семье говорить?»

Предпочитаю ответить ему только касательно футбола. Спрашиваю, важно ли ему победить меня, и если я проиграю, будет ли он и дальше серьезно относиться ко мне. «У меня, отец, не так много важного в жизни, потому эта победа мне важна. Но обещаю, что постараюсь победить, и на этот раз без фокусов. Если обещаешь слишком много, значит лжешь. Я это буду знать. Сейчас я немного устал, да и ты не совсем здоров. Мама с Даной ждут нас дома. Отдохни здесь еще немного и возвращайся к нам. Знаешь, когда я возвращаюсь домой, каждый раз мне кажется, что это как в первый раз».

Ярон выходит из моей комнаты, и я пытаюсь вздремнуть. Дана входит и вглядывается в меня, что-то шепчет, словно раскаивается. Говорит сама с собой в голос, что будет сидеть здесь и читать полученную ею новую книгу. Не удивлюсь, если это Рахель принесла что-то интересное. Надеюсь, что не слишком странное, которое Рахель любит. От Даны идет приятный запах, и голос ее радует меня. Последние слова Ярона смешиваются в моем сознании с шепотом Даны. Вне-

запно мне кажется странным, что Рахель вообще не вошла ко мне в комнату. Быть может, думала, что я выйду к ней.

Хорошо, что никто не читает мои отчеты. Не обязательно вводить в курс моих дел других. Показал бы я их Ярону, ну еще, быть может, Данае и Рахели. Тотчас же они бы сделали свои замечания, что там правильно, а что нет. Рахель удивлялась бы, как я соединяю воедино важное и второстепенное. «В твоих отчетах вся смешано вместе, как и в твоей жизни». Дана бы улыбалась, а Ярон упирал бы на факты. Но, несмотря на странное мое желание открыться, я все же предпочитаю не показывать никому свои записи. Я хочу найти себе сейчас другое занятие. Не хочу без конца оставаться в доме Натана, но и не желаю расстаться с Даной. Может, следует подумать о деятельности, которая даст возможность встречи с новыми людьми. Странные вещи в жизни Натана и Рины (к примеру, идея еще одной жены) могут неожиданно коснуться и меня. Достаточно ясно, что долгое пребывание в этом доме наносит ущерб моим мыслям. Спрашиваю Дану, можно ли как-то облегчить мое положение. «Ты пришел в себя, выглядишь отлично, — говорит она. — Чего тебе торопиться, хорошо нам вдвоем, нет у тебя никаких обязательств по отношению ко мне, я слежу за тобой. Я ведь сказала тебе, что у меня масса терпения». — «Но я невероятно сбит с толку. Хочу быть с тобой, но тоскую по дому».

Спустя два дня Дана приходит ко мне утром, откидывает

одеяло, оглядывает мое тело (хорошо, что на мне какая-то одежда), улыбается и спрашивает, что я хочу, опять укрывает меня одеялом и целует в лоб. Говорит, что есть интересное предложение, совершить всем вместе экскурсию в Галилею. «Ты, я, Рахель и также Ярон, если захочет. Есть ли что-либо более интересное, чем шагать вместе и изучать все, что вокруг?» – «Врач, несомненно, будет доволен, что мы наконец совершим экскурсию вне города», – говорю я. – «Не забудь проблему, связанную с солнцем, – напоминает она, – в больнице нас предупредили: солнечная радиация может нанести ущерб твоей чувствительной голове».

Эта предполагаемая прогулка даже повышает мне настроение. В последнее время я стараюсь бороться с внутренними трудностями и мыслями, которые возвращаются и изматывают меня. Заставляю себя смотреть на часы, хотя меня от этого воротит. Заставляю себя открывать определенные двери в доме Натана и посещать комнаты, которых раньше избегал. Интересно, что даже в доме Натана я нашел более удобные для меня пути в отличие от других, отталкивающих меня. Я обязан открывать все двери, освоить все переходы, и, быть может, экскурсия на природе облегчит мне эту задачу.

Натан звонит из Европы и хочет говорить только со мной. Дана с радостью приносит мне аппарат и говорит: «Хорошо, что Натан понимает, что ты настоящий руководитель его бизнеса». Явно в смущении приветствую Натана. «Надеюсь, что ты хорошо охраняешь для меня Дану. Я не хочу получить

ее с каким-либо ущербом, — он, как всегда, кричит в трубку, и рядом с ним слышен смех Рины. — И вообще, я уверен, что ты уже выздоровел и можешь вернуться к работе. Думаю, ты скоро вернешься домой, к Рахели». Снова радостный его рев оглушает меня. Дана берет трубку и продолжает разговор. Рассказывает Натану о планируемой нами экскурсии и упоминает, что идея этого принадлежит ему. Натан подтверждает это и говорит, что, быть может, они к нам присоединятся во время экскурсии, если к этому времени вернутся из-за границы.

Выход намечен на начало следующей недели. Накануне мне тяжело уснуть, как ребенку перед началом учебного года. Какое я вообще имею отношение к этой экскурсии и к этому чужому дому, в котором проживаю. Никогда особенно не интересовался экскурсиями и всем, что связано с ними. Слышал в последние дни телефонные переговоры между Даной и Рахелью, касающиеся заготовки еды в дорогу. Они как бы делили между собой ответственность. Дана говорила: «Я хочу, чтобы приготовленная мною еда подошла и Меиру, была кошерной и в то же время вкусной».

Итак, утром начинается организованная экскурсия в Галилею. Я готов к выходу. Рахель кричит нам из машины, остановившейся у дома, давно не слышал от нее такого крика. «Хорошо, что мы заказали место для Рахели», — говорит Дана. Вспоминаю, что после нашей женитьбы я обещал Рахели пешую экскурсию в Галилею. В детстве она была на такой

экскурсии со своим отцом, и хотела, чтобы мы вместе прошли по тем же местам. Сказала тогда взволнованно: «После того, как мы увидим эти места, мы уже не будем разными, чужими друг другу людьми». Но с того дня и по сегодняшнее утро так мы и не посетили Галилею, и Рахель не напоминала мне о моем обещании.

Выясняется, что я не полностью готов, и Рахели придется подождать. Даже то, что раньше я завершал быстро, задерживается. В общем-то, всегда у меня потели руки, но никогда они так не дрожали. Кажется мне, что в последнее время я обрел холостяцкие привычки: каждому делу придаю несвойственную ему важность, сам грею себе еду, если Дана не успевает это сделать, открываю по несколько раз свертки со сладостями. Но сейчас я беру тяжелую сумку, которую Дана приготовила для меня. Поверх всего положила молитвенник и книгу Священного Писания, «которую ты всегда любишь читать, тем более, в экскурсии». Наконец мы спускаемся по ступенькам. Лестничная клетка освещена, но я все же зажигаю еще свет. Рахель ожидает внизу, из машины вдруг выходит Ярон. «Нелегко быть в одиночку, – говорит Рахель, – и к этому не так быстро привыкаешь». Я гляжу на сына, люблю его невероятно. Интересно, и другие отцы так любят своих сыновей, почти как новую жену.

Едем к месту сбора. Люди толпятся, и среди них замечаю несколько товарищей Натана и Рины и некоторых работников офиса. Говорят, что Натан и Рина заказали места на эту

экскурсию, и если успеют вернуться из-за границы, присоединятся к нам. Знакомые люди всегда меня успокаивают. Интересно, что со времен армейской службы ко мне не приходили эти мысли. К примеру, присоединятся ли в дороге к нам еще люди и кто здесь решает, принять ли этих новых людей. Я надеюсь, что смогу выдержать ритм прогулки. Дана веселит меня своим видом, радуется экскурсии, упакована, как новая вещь. «Чего ты так ужасно серьезен, – спрашивает меня Дана и подмигивает Рахели. – Мы не собираемся захватывать новые земли, искать клады. Просто гуляем по стране. Ты здесь, жена твоя здесь, и я – здесь. Еще пара друзей. Не от чего тебе пугаться. Люди приехали из близлежащих мест, учились в школе, похожи друг на друга, и даже к запахам нашим легко будет привыкнуть». Дана смеется долгим смехом, Рахель покрывается краской. Она ведь все еще мне жена всем своим большим телом. Она ворошит волосы на голове Ярона и он сдерживается, чтоб не сказать ей, что она делает ему больно.

Узи тоже здесь. Натан просил его следить за всем и докладывать ему. Показывает мне газету: «Смотри, Меир, ты стал важным человеком. Даже наша организованная экскурсия упоминается в газете. Маленькие поселения в Галилее боятся, что мы нанесем им ущерб, попытаемся купить сельскохозяйственные земли». – «Можно подумать, что собираемся их оккупировать», – говорю. «Попытайся их понять, люди очень легко впадают в панику» – говорит Рахель. «В

конце концов, они убедятся, что мы люди приятные, умеренные, и нечего нас бояться», — успокаивает всех Дана. Она по-прежнему в хорошем боевом настроении. «Ясно, — говорит Узи, — что никто из нас не так красив, как выглядит на снимках. Взгляните, никакого впечатления. Ну вот Дана и вправду очень красива, но это не первый раз, когда красивая женщина участвует в экскурсии».

Все записавшиеся на экскурсию пришли. Наш гид Хаггай проверяет список. Множество народа собралось вокруг: по какой-то известной лишь им причине пришли поглазеть на нас до отъезда. Может, есть и такие, что хотят присоединиться к экскурсии. Но предварительно не записались и не заплатили в назначенное время. Смотрят на нас с жадным интересом, особенно на Дану. Глядя на Рахель и меня, перешептываются. Кажется, даже пересчитывают нашу группу, как ребенок, заново считающий свои игры. Рахель немного успокоилась, кажется, даже начала радоваться. В последнее время мы с ней не говорили, тем более о съезжающей ее тоске. Мне приятно, когда она улыбается. Часть улыбки ее принадлежит ребенку, часть ее морщинам. Она вдруг резким движением подходит ко мне, кладет обе руки поверх моей ладони «Это прекрасно, что мы вместе едем в Галилею. Помнишь, много лет назад я просила тебя об этой поездке. И группа, видишь, очень симпатичная». Хаггай завершает переключку, жестким голосом просит прекратить болтовню и произносит несколько странных предложений: «Мы обыч-

ная группа. Каждый с этого момента отвечает за свою, так сказать, часть. Нет нужды вмешиваться с общими указаниями. Оставьте это мне. Не забывайте, что ни у кого нет никаких преимуществ перед соседом. С момента выхода в поход ни богатства Натана и никакие ваши идеи ничего не изменяют. Постарайтесь привыкнуть к тому, что во время пеших переходов невозможно избежать возникающих в пути трудностей, нет у вас никакой защиты или инструмента, который сможет прикрыть вас от дождя, защитить от песков или даже от ненависти людей, встреченных в пути».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.